

ПОСЛЕ ЧЕЛОВЕКА Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире

Источник: [Русская экспертная школа](http://www.pravoslavie.ru/113827.html)

<http://www.pravoslavie.ru/113827.html>

Сегодня борьба за будущее – это борьба за антропологию. Это борьба за определение того, что есть «человек».

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

О докладе

Настоящий доклад посвящён критике идеологии трансгуманизма, которая декларирует возможность улучшения человеческой природы с помощью современных научных технологий вплоть до создания сверхлюдей (само слово «трансгуманизм» означает «выходящий за границы человеческого»). Идеи трансгуманизма породили в России и за рубежом масштабные общественные дискуссии о допустимых пределах вмешательства в природу и тело человека – дискуссии о биоэтике. Эти дискуссии строятся на двух сюжетах.

В рамках первого отстаивается необходимость улучшения качества жизни людей посредством экспериментов с геномом, клетками и органами человека. В рамках второго – говорится о нравственных и религиозных ограничениях для таких экспериментов и звучит призыв не относиться к человеку как к материалу для опытов. Таким образом, на одну чашу весов ставится улучшение качества жизни, на другую – нравственность. Такая постановка вопроса создаёт альтернативу: развитие технологий ставится в зависимость от нравственности, а нравственность – от технологий. Эта дискуссия подразумевает и укрепляет идею о том, что нравственными нормами неизбежно приходится в какой-то мере поступаться и ради дальнейшего технологического развития, которое совершается якобы во

благо самого человека, необходимо выходить за границы морально допустимого.

Авторы доклада считают такую постановку проблемы ошибочной.

Улучшение качества человеческой жизни само по себе является благом. Но противопоставлять или ставить во взаимозависимость качество жизни и нравственность – недопустимо. Нравственность является отдельной, неизменной и самодостаточной сферой человеческого бытия, не зависящей от времени, господствующей идеологии и уровня технологического развития. Разговор о нравственности – это разговор о вечном, а вечное не должно ставиться в зависимость от временного.

Доклад не критикует частные технологии трансгуманизма и не пытается определить, где находятся границы «допустимого» при вмешательстве технологий в природу человека, но с позиций традиционной нравственности выступает против той этической концепции, которая заложена в основу идеологии трансгуманизма.

К настоящему времени идеология трансгуманизма запустила ряд теоретических дискуссий и прикладных исследовательских программ в естественных и технических науках. Повестка трансгуманизма включает в себя вопросы о биотехнологиях, искусственном интеллекте, допустимости искусственного отбора, достижении бессмертия – всё применительно к человеку. Трансгуманизм как идеология открывает новую страницу в борьбе за антропологию, за полномочия определять, что есть человек.

Комплекс сюжетов, связанных с трансгуманизмом, активно политизируется и в ближайшем будущем станет ещё одной постоянной смысловой областью для политических и идеологических противостояний как внутри России, так и на международной арене, очередной сферой информационной войны (другими подобными масштабными сферами в политико-информационном противостоянии являются борьба за историческое сознание, борьба за интерпретацию либерального идеологического наследия, конкуренция за право формировать идеологический ландшафт будущего многополярного мира и соперничество разных глобализационных проектов). Одним из наиболее масштабных практических направлений трансгуманизма в настоящее время является движение ЛГБТ, имеющее значительную

международную финансовую и политическую поддержку. Действуя полностью в рамках трансгуманистического мировоззрения, это движение кардинально меняет человеческую антропологию, отказываясь от традиционного представления о человеке.

На современном историческом этапе антропология становится одним из важнейших полей идеологических противостояний, и трансгуманизм, являясь наследником и продолжателем секулярного гуманистического мировоззрения, претендует на то, чтобы стать одним из основных операторов современных идеологических процессов. Трансгуманизм охватывает ключевые антропологические проблемы современности и придаёт им определённый идеологический вектор, предлагая вести дискуссии о ценностях, нравственности, природе и предназначении человека в своей особой системе этических координат. Трансгуманизм стремится подменить собой антропологию, утвердить «постантропологию», давая новую трактовку понятию «человек» и открывая человеческую природу для любых экспериментов. Поэтому разговор об антропологических вызовах современности необходимо предварять критикой трансгуманизма.

Идеология трансгуманизма – это призыв использовать философские основания трансгуманизма для движения к трансгуманистической утопии. То есть идеология трансгуманизма – это совокупность трансгуманистических философии и утопии. Термин «трансгуманизм» используется в данном докладе именно как синоним идеологии трансгуманизма.

Утопия трансгуманизма – это состояние технологической сингулярности, применённое к сфере антропологии. Предполагается, что в этом состоянии человек (в данном случае более уместно использовать термины трансгуманизма «трансчеловек» или «постчеловек») будет способен свободно модифицировать своё тело до некоего совершенного состояния, получит возможность существовать неограниченно долго, существовать без тела вообще или управлять множеством тел. Утопия трансгуманизма создаёт такой образ будущего, который сможет привлечь общественный интерес к идеологии трансгуманизма. Утопия трансгуманизма – это её фасад и один из главных инструментов её пропаганды.

Философия трансгуманизма в свою очередь представляет собой систему взглядов и концепций, логически обосновывающих методы и средства

достижения трансгуманистической утопии. Функция философии трансгуманизма прикладная, она направлена на активное формирование мировоззрения, на формулирование конкретных норм и ценностей, которые затем активно применяются трансгуманистической идеологией.

С точки зрения информационно-пропагандистского воздействия на общество, содержание трансгуманистической утопии вторично, оно имеет лишь опосредованное отношение к сегодняшнему дню. Тогда как философия трансгуманизма уже сейчас деятельно формирует определённый тип человека. Трансгуманизм создаёт сегодня не трансгуманоида («трансчеловека», «постчеловека», человека, физически отличного от современных людей), а трансгуманиста – человека, приверженного трансгуманистическому мировоззрению. Изучение влияния идеологии трансгуманизма на человека как на члена общества должно предшествовать изучению конкретных технологий изменения человеческой природы. Такой подход используется в настоящем докладе.

Трансгуманист – это максимально материалистичный тип личности, предельно антирелигиозный человек. Задача трансгуманизма состоит в том, чтобы сформировать такую личность. При этом реальное благополучие такой личности не берётся в расчёт. Человек для трансгуманизма является не целью, а объектом информационного воздействия, который должен стать носителем данной идеологии, а в перспективе – объектом экспериментов по трансформации в «трансчеловека».

В идеологии трансгуманизма отсутствует социальный аспект, тем самым она снимает с себя ответственность за устройство того общества, которое стремится сформировать. Поэтому распространение этой идеологии только усугубит социальные проблемы, существующие в современном обществе, прежде всего социальное неравенство.

Главный из посылов трансгуманизма, который уже нашёл практическое воплощение во многих странах мира, – предоставление человеку возможности бесконечного самоопределения, ничем не ограниченного «поиска себя» через изменение элементов своей идентичности, включая биологические. Современное общественное устройство позволяет осуществить социальный аспект самоопределения, выражающийся в замене поведенческих моделей индивидов на не свойственные их естественной

(природной) идентичности. В то же время современные медицинские технологии позволяют реализовать этот посыл на уровне частичного или полного изменения человеком своих первичных и вторичных половых признаков, черт лица, цвета кожи, гормонального фона.

Одним из практических направлений продвижения трансгуманизма как идеологии, дающей свободу самоопределения, является постгендеризм. Постгендеризм – это направление трансгуманизма, целью которого является устранение полового различия людей на социокультурном и биологическом уровнях. Главным проводником постгендеризма в современном мире является движение ЛГБТ. Цель этого движения – кардинальное изменение антропологических рамок современности, в результате чего должно произойти размывание представления о том, что такое человек. Мировоззренческий сдвиг, к которому призывает трансгуманизм, имеет непредсказуемые по своей разрушительности последствия.

В конечном счёте, как и любая идеология, трансгуманизм претендует на то, чтобы обрести политическую силу и начать влиять на процесс принятия политических решений, то есть непосредственно на жизнь общества.

Объект доклада:

- идеология трансгуманизма.

Предмет доклада:

- истоки и пропагандистские практики идеологии трансгуманизма в современном обществе (на примере ЛГБТ).

Цель доклада:

- с позиций традиционной нравственности продемонстрировать историко-культурное происхождение и деструктивный потенциал идеологии трансгуманизма на теоретическом и практическом уровнях.

Данная цель достигается через решение следующих задач доклада:

- выявить историко-культурные предпосылки идеологии

трансгуманизма;

- раскрыть содержание философии и утопии трансгуманизма;
- показать аксиологический базис идеологии трансгуманизма путём сопоставления его с нормами традиционной морали;
- показать идейную взаимосвязь теории трансгуманизма и практик движения ЛГБТ;
- выявить направления и методы пропаганды ЛГБТ как одного из практических составляющих трансгуманизма в различных сферах общественно-политической жизни России и зарубежных стран.

Доклад состоит из введения, двух частей, включающих четырнадцать параграфов, заключения и примечаний. Первая часть доклада посвящена выявлению культурных истоков и рассмотрению ценностного, философского и утопического содержания идеологии трансгуманизма, а также её критике. Вторая часть доклада посвящена анализу конкретных современных пропагандистских практик движения ЛГБТ как практического направления трансгуманистической идеологии.

Часть I. Культурные истоки и философские принципы идеологии трансгуманизма

1. Гуманизм и трансгуманизм

1.1. Центральный постулат идеологии гуманизма – идея о том, что человек является высшей ценностью. Согласно гуманистическому мировоззрению человек является источником нравственности и всякого совершенства. Любое самосовершенствование человека имеет свой источник и свои цели только в самом человеке и не имеет отношения к абстрактной нравственности. Целью человеческой жизни и человеческой истории в гуманизме становится уподобление человека античному богу рациональными средствами. В основе концепции «сверхчеловека», которая будет сформулирована через несколько столетий после рождения гуманизма, лежит то же самое представление о человеке как о воплощении античного божества.

Гуманисты эпохи Возрождения вслед за философией создавали идеологию

Гуманисты эпохи Возрождения не только изобрели абстрактную концепцию

человекобожия, но и стремились написать программу его воплощения в жизнь, то есть вслед за философией создавали идеологию. Мироззрение первых идеологов гуманизма уже было предельно элитарно – они мыслили себя новой привилегированной исторической силой, новой аристократией таланта и интеллекта, противопоставлявшей себя традиции. Они верили не только в то, что человек – мера всех вещей, но и в то, что каждый человек – мера себя самого. Они верили в свои творческие силы и в своё высшее призвание. Эта вера легла в основу их представления о собственной исключительности. Она привела гуманистов и просветителей к убеждённости в том, что они сами, а затем и все люди должны стать «совершеннолетними». Это означало, что они смогут сами решать, что есть истина, определять нормы красоты и морали, преобразовывать мир по собственному разумению и свободно создавать свою собственную религию.

1.2. Гуманизм – это идеология, онтологически враждебная традиции. Гуманизм отказался от христианской идеи о нравственном несовершенстве человека. Гуманисты стали утверждать, что каждый человек по своей природе всегда прекрасен, добр и талантлив, и лишь невежество и неблагоприятные социальные условия мешают ему всегда проявлять себя с лучшей стороны. Также гуманисты абсолютизировали рациональность и свободу выбора человека. Выше нравственности они поставили разум. Началась переоценка традиционной этики, которая быстро дошла до оправдания свободного выбора человека в пользу зла. Как итог, осознанный выбор в пользу зла стал оцениваться культурой лучше и выше, чем неосознанный выбор в пользу добра.

Появившись как мироззрение элит, «просвещённого класса», гуманизм очень быстро трансформировался в универсальную идеологию, которая постепенно замещала собой христианские ценности и принципы западной цивилизации. В XIX–XX веках гуманизм расширил своё влияние на весь мир и стал главной действующей моделью глобализации. Гуманизм сформировал собственные нормы, повсеместно заменившие собой традиционную религиозную этику. В христианской культуре понятия «христианский поступок» и «нравственный поступок» были синонимичными. С началом эпохи Просвещения нравственные поступки постепенно стали называться «гуманными», «человечными», что является иллюстрацией произошедшего мировоззренческого сдвига.

Гуманизм стремился к разрушению традиции, считая её врагом современности и прогресса

Вытеснение традиционной этики из общественного пространства не осталось без последствий. Проявлением острой стадии кризиса гуманизма стала Первая мировая война. Убийство миллионов людей поставило под сомнение оптимистичное утверждение о том, что человек по своей природе добр, а огромные разрушения, которые произвела эта война, опровергли миф о человеческой рациональности. Но даже лучшие умы того времени считали, что кризис, свидетелями которого они стали, – это кризис гуманности, а не кризис гуманизма. Они не могли допустить мысли о том, что причина кризиса заключается в ущербности самих гуманистических ценностей. И полагали, что этот кризис случился потому, что ценности гуманизма не были приняты всем обществом. Ценой этого ложного вывода стала ещё одна мировая война. Немецкий нацизм был отчаянной попыткой гуманизма возродиться в своей ранней элитарной форме. Гуманизм, полагая себя воплощением добродетели, противопоставлял себя Средневековью и традиционному обществу как воплощениям порока и отсталости. Гуманизм стремился к разрушению традиции, считая её врагом современности и прогресса. Нацизм, следуя той же дихотомической логике, противопоставил немецкую нацию другим, «отсталым» народам, которые должны были проиграть ему в конкурентной борьбе и быть уничтожены.

Поражение нацизма поставило вопрос о необходимости переформулировать основные положения гуманистической идеологии, чтобы предотвратить такое толкование гуманизма, при котором он допускает геноцид каких-либо народов. Принятие «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года поставило кризис гуманизма «на паузу», стало точкой отсчёта нового гуманистического консенсуса. Эта декларация содержала указание на то, что при осуществлении своих прав и свобод человек может подвергаться ограничениям, установленным с целью «удовлетворения справедливых требований морали». Однако источник этой морали не раскрывался. К настоящему времени сторонники либерально-гуманистических ценностей или не вспоминают о том, что мораль должна служить естественным ограничителем свободы, или прямо отождествляют мораль со свободой: «нравственно то, что способствует свободе, безнравственно то, что эту свободу ограничивает». Также в декларации 1948 года впервые появилась

современная формулировка понятия человеческого достоинства.

В соответствии с ней достоинство – это то, чем от рождения обладает каждый человек и что не может быть утрачено, некая универсальная ценность человека. Таким образом, достоинство стало секулярной заменой христианского понятия образа Божьего в человеке, который ни при каких обстоятельствах не может быть искажён или утрачен.

1.3. Трансгуманизм – это попытка гуманизма выйти из затянувшегося кризиса. Идеологи трансгуманизма попытались вывести гуманизм из кризиса не через изменение основ учения, а через изменение взгляда на природу самого человека, через создание новой антропологии. Гуманистическая антропология никогда не была статична: антропология Просвещения отличается от антропологии Возрождения и от трансгуманистического учения о человеке XX-XXI веков. При этом ей присущ всегда один неизменный подход: все формы гуманизма создавали определённый секулярный идеал и образ человека, которым каждый призывался соответствовать.

Трансгуманизм является частью большого гуманистического проекта

Трансгуманизм вслед также стремился создать очередной новый образ, но человеческим его можно считать только по его происхождению. По сути, он является «бесчеловечным» и «античеловечным». Те типажи, которые создавали отдельные идеологи трансгуманизма, могли отличаться друг от друга. Однако в их основе лежала одна идеология, одни принципы. Точно так же некогда различались между собой те образы идеального человека, которые конструировали деятели Возрождения и Просвещения.

Трансгуманизм является частью большого гуманистического проекта, который противостоит традиционному мировоззрению, потому что трансгуманизм наследует основополагающий принцип гуманизма – антропоцентризм – и использует его главный метод – отрицание традиции. Гуманизм и трансгуманизм являются составными частями единой идеологии гуманизма.

1.4. Точкой отсчёта публичной жизни трансгуманизма стал постгендеризм – идеологическая концепция, поставившая своей целью стирание различий между полами. Начало ей было положено в 60-е годы XX века, когда

одновременно со всплеском антирасистских выступлений началась борьба «сексуальных меньшинств» за свои права. Поздний гуманизм, из которого возникнет трансгуманизм, по-своему интерпретировал учение о правах и свободах человека. В современном мире оно трансформировалось в право меньшинств иметь приоритет над правами большинства. За прошедшие с 60-х годов XX века десятилетия национальные меньшинства, феминистки и сексуальные меньшинства смогли добиться существенных преференций. Официальная политика по умиротворению меньшинств, проводимая правительствами западных стран, получила название мультикультурализма. Теория мультикультурализма предполагала наделение человека набором исключительных прав в зависимости от его принадлежности к определённой социокультурной группе – «меньшинству».

Статус меньшинства могла себе присвоить не каждая социокультурная группа. Чтобы получить этот статус, группа должна была соответствовать двум критериям: обладать инаковостью и быть преследуемой (когда-либо в прошлом или в настоящее время). Инаковость – это мера отличия меньшинства от большинства, которая является его предметом гордости и, чтобы подтвердить статус его носителя, должна публично демонстрироваться. Так, в странах запада принадлежность человека к ЛГБТ-сообществу стала означать самоутверждение человека в его инаковости и позволять ему претендовать на бо́льшие права, чем представителю социального большинства. Преследуемость меньшинства является ключевым механизмом легитимации его привилегий. Получение привилегий рассматривается в качестве компенсации за то, что в прошедшие исторические эпохи представители меньшинств подвергались преследованиям, дискриминировались за инаковость. Для осуществления компенсации, восстановления исторической справедливости стала применяться стратегия «позитивной дискриминации» – дискриминации большинства в пользу меньшинств. В соответствии с этой логикой, чем больше та или иная социокультурная группа преследовалась и угнеталась в прошлом, тем большими правами, привилегиями и политической властью она должна обладать в настоящем по сравнению с большинством.

Политика мультикультурализма и пропаганда ЛГБТ стали практически воплощением идей трансгуманизма

В современных политических реалиях политика мультикультурализма и

связанный с ней постгендеризм стали механизмом практического воплощения идей трансгуманизма. Цель этого механизма – свобода идентичности, доведённая до предела. Свобода, которая включает в себя право человека выбирать пол, расу, возраст, культуру, нравственные ориентиры своей жизни и время её завершения.

2. Философские истоки трансгуманизма: между имманентизмом и постмодернизмом

2.1. Трансгуманизм занимает особое место среди квазирелигиозных идеологий, сформировавшихся в условиях постмодерна. Трансгуманизм ставит своей целью онтологическую трансформацию человеческого общества и человеческой личности. И в этом качестве это явление должно быть оценено с точки зрения традиционной культурной и моральной нормы. Трансгуманизм тесно связан с кризисом модерна. Модерн оказался не в состоянии реализовать свою программную установку тотальной рационализации и сциентизации человеческой культуры и общества. Это привело к тому, что во второй половине XX века набрал силу другой процесс – процесс фрагментации культуры, выразившийся в признании плюрализма норм и ценностей. Такая фрагментация, разложение модерна получила название постмодерна. Однако постмодерн является деструктивной идеологией не только по своему основному методу, но и по тому воздействию, которое он оказывает на общество. Появление новых технических решений в области электронных коммуникаций должно было пропорционально расширить возможности людей по взаимной коммуникации и таким образом укрепить межличностные связи в обществе. Однако социокультурная установка постмодерна обесценила эти достижения и привела к обратному эффекту. Результатом развития средств коммуникации, медиа, информационных технологий стало утверждение в современном обществе коллективного солипсизма. Это состояние взаимной отчуждённости мировоззрений как отдельных людей, так и крупных социальных групп, субкультур, существующих при этом в едином информационном пространстве; это усиливающееся с развитием электронной коммуникации состояние замкнутости каждого человека на самом себе, на своих чувствах, предпочтениях, интересах. Другими негативными последствиями постмодерна стали усиление симулятивности и espectacularности в культуре. Это привело не только к плюрализму норм и

ценностей, но и к утверждению релятивистского принципа по отношению к любому знанию, устранению критериев объективности. Постмодерн антииерархичен. Вследствие этого любые ценности, не зависящие от критерия рыночной цены, получили ярлыки «тоталитарных» и «архаичных». Таким образом, культура постмодерна делает невозможным построение нравственного и справедливого общества.

Распад единого социокультурного пространства происходит по разным направлениям и сопровождается рядом важных процессов. Так, в религиозной сфере западных стран происходит искусственное вытеснение традиционной религиозности, сопровождающееся нарастанием христианофобии. Однако место традиционной религии теперь занимают не позитивистские и секуляристские догмы, а альтернативные формы религиозности – новые религиозные и квазирелигиозные учения. Вслед за десакрализацией культуры произошла её дерационализация. Эта ситуация ведёт к усилению в обществе неоязыческих и неогностических тенденций.

2.2. В социально-психологическом аспекте трансгуманизм представляет собой релятивизацию идентичности человека, его самоидентификации – распад личности на множество отдельных идентичностей. Элементы идентичности отчуждаются от человека, перестают соотноситься с культурными и нравственными нормами и ценностями. Таким образом, человек получает возможность свободно комбинировать элементы своей идентичности, превращая её в пространство для экспериментов. Однако эта свобода самоопределения, которую обещает трансгуманизм, мнимая: во-первых, элементы идентичности формируются социально-культурной средой и предоставляются индивиду в уже готовом виде; во-вторых, процесс их формирования и комбинирования так или иначе контролируется властными субъектами. В перспективе трансгуманизм ведёт к коммерциализации процессов самоидентификации, к установлению контроля над базовыми личностными свойствами, отношениями и интенциями (такими как пол, родственные связи, культурное развитие) со стороны структур, определяющих направления рыночных процессов.

Трансгуманизм ведёт к отказу от идеи личности («индивида»)

В историко-культурном смысле трансгуманизм не только отталкивается от гуманистической концепции человека, но и преобразует её. Все компоненты

индивидуальности в рамках идеологии трансгуманизма приобретают необязательный характер. Поэтому общее, универсальное определение человека, ответ на вопрос «что есть человек?» оказывается невозможным. Универсальный человек должен иметь определённый набор базовых общечеловеческих признаков, что противоречит концепции трансгуманизма. Поэтому такие «общечеловеческие» атрибуты как права, свободы и возможность выбора, также могут впоследствии утратить свою общеприменимость. Трансгуманизм ведёт к отказу от основополагающей идеи неделимой личности («индивида»), обладающей врождёнными «естественными правами» и возможностью социального выбора.

2.3. Трансгуманизм – закономерный итог развития имманентизма и деконструирования им традиционного мировоззрения. Система знаний о мире, преобладающая в современной культуре, основана на принципе секулярности. Этот тип знания также можно охарактеризовать как имманентистский.

Он основан на принудительном разделении мира на две части: имманентную (светскую, секулярную) и трансцендентную (религиозную). При этом имманентистское (либерально-гуманистическое) мировоззрение стремится к вытеснению из культурного поля всех трансцендентно ориентированных элементов.

Ряд современных исследователей – критиков либерализма видят корни имманентистской культуры в средневековом номинализме. Они полагают, что под воздействием номинализма западноевропейская философия исказила понятие «божественного». Универсалии (общие понятия, идеи) были приравнены номиналистами к формальным обобщениям, и это привело к тому, что область трансцендентного, наделяющая весь мир целостностью и смыслом, была искусственно отгорожена от мира предметов и явлений. Таким образом, картина мира последующих эпох оказалась изолированной, замкнутой на саму себя. Трансцендентное, «божественное» оказалось «безучастным» к имманентному, мирскому. Поэтому новоевропейская философия выводила законы существования и развития предметов и явлений из них самих. Впоследствии это допущение позволило, например, считать разум результатом эволюции неживой материи, а человека – потомком животных.

Номинализм разрушил целостное мировосприятие, характерное для досекулярного сознания, развернул движение человеческой мысли в сторону дихотомического и антиномического типа мышления. Произошла фрагментация знания, в частности распад на светское и религиозное. В сфере эпистемологии это привело сначала к обособлению, а затем – к сакрализации рационального начала. А в сфере антропологии – сначала к автономизации «свободной личности» от Бога и нравственного закона, а затем – к фрагментации, распаду самого человека (трансгуманизм).

2.4. Иллюстрацией имманентистского происхождения трансгуманизма являются литературные сюжеты Нового Времени. Одним из таких сюжетов была легенда о докторе Фаусте. Метафорический потенциал литературного мотива легенды о Фаусте был настолько велик, что в лексиконе мыслителей рубежа XIX–XX веков укрепились выражения «фаустовский тип культуры», «фаустовская цивилизация». Эти выражения означают страсть к знанию ради знания, овладение возможностями без высших целей. Фаустианство – это познание и власть над миром, к которым человек стремится любой ценой. Для обозначения данного мироощущения был использован термин «фаустианство», потому что именно ради такого познания и такой власти Фауст и заключил договор с Мефистофелем.

На более глубоком уровне фаустианского мировосприятия, позади его технократического антуража лежат гностические установки. Это табуирование истины, тайное знание, истина как удел «избранных», прямое соотнесение имён и свойств вещей с их скрытыми сущностями, концепция «предела» – незримой черты, преодоление которой якобы ведёт непосредственно к истине (за этой чертой открывается Знание), миф о нарушении «запрета». «Предел» – это то, что скрывает, отделяет познаваемое от непознаваемого, обыденное от сверхъестественного. Отношение к знанию как к чему-то надмирному, сверхъестественному показывает сходство гностического мышления со средневековым номинализмом, который разорвал связь между Творцом и творением.

Сюжет о Фаусте первоначально был записан в «Народной книге» XVI века. В ней рассказывалось о докторе Фаусте, маге и чернокнижнике, который смущал людей своими глубокими познаниями и искусством магии. В более поздней обработке Фауст стал олицетворением человека Нового времени, стремящегося к познанию тайн мира любой ценой. Мефистофель (дьявол)

стал метафорой потусторонних сил, высшего знания, судьбы, стремящихся подчинить себе человеческую душу. Запретный характер знания тесно связан с мотивом, который был очень популярен у немецких романтиков Нового времени, – мотивом сделки с дьяволом.

Более древними аналогами сюжета о Фаусте являются народные и литературные повествования о Големе и других человекоподобных монстрах, созданных человеком в помощь себе из неживой материи посредством тайного знания, но которые в итоге принесли в мир зло. Эти монстры являются подобием искусственного, сконструированного человека, появившегося на свет в результате безответственного отношения к знанию со стороны их создателей.

Трансгуманистический подход к идентичности человека основан на идее произвольного, искусственного конструирования человеческой личности и является современной версией расчеловечивания, аналогом создания Голема. Однако, согласно идеологии трансгуманизма, «трансчеловек», «новый Голем» должен быть создан не из глины, а из самого человеческого существа. Трансгуманизм следует по пути фаустианского отношения к знанию (биотехнологиям), который требует от человека идти против нравственности и собственной совести.

2.5. Трансгуманизм – это следствие фрагментации знания, идеологического сдвига, который произошёл в результате искусственного разделения сфер имманентного и трансцендентного. Ложность этого разделения прослеживается и в социогуманитарной, и в естественнонаучной областях. Секулярный гуманизм стремился к тому, чтобы сделать человека предельно имманентным, материалистичным, исключить из его существования всякий духовный аспект.

Гуманизм отнимает у человека чувство священного и лишает его надежды на бессмертие

Так гуманизм отнял у человека чувство священного и лишил надежды на бессмертие в ином, трансцендентном мире. Однако затем гуманизм выступил сам в роли религии и стал обожествлять материалистического человека и окружающий его имманентный мир через идею «сверхчеловека» и идею искусственного бессмертия. Системообразующий фактор всегда находится

за пределами системы, а не внутри неё. Утверждение о том, что смысл человеческой жизни может заключаться в самой этой жизни, делает жизнь бессмысленной. Тем не менее гуманистическая культура пошла по пути игнорирования этого факта. Гуманистическая трактовка человеческой личности как автономной (то есть имманентной) сопровождалась разрушением традиционного мировоззрения и традиционных (христианских) нравственных ценностей. Этот процесс привёл к постепенному накоплению противоречий и глубокому культурному кризису: секуляризованная культура столкнулась с тем, что человек по-прежнему остаётся существом религиозным и плохо вписывается в её рамки. Разрешение этого противоречия трансгуманизм видит в деконструкции антропологии как области знания, необходимой для того, чтобы затем создать из человека принципиально новое существо – «трансчеловека», который бы вписывался в имманентистскую картину мира.

Ряд исследователей, занимающихся изучением имманентистского дискурса, характеризуют традиционное христианство как «мастер-дискурс» и «перводискурс». В их трактовке имманентистский дискурс, то есть дискурс модерна и постмодерна, рассматривается не как противоположность, а как искажённая («еретическая») версия исходного христианского мастер-дискурса. С этой точки зрения либерально-гуманистическое мировоззрение является результатом «незавершённого прочтения» или «незавершённого толкования» Писания и Предания. Незавершённость прочтения и толкования сначала ведёт к разрыву с христианством, а затем к христианофобии. Позитивистская доктрина избавилась от существенной части традиционного мировоззрения, но при этом оказалась не в состоянии полностью изъять у человеческой личности её религиозные потребности. Это сообщило имманентистскому мировоззрению квазирелигиозные черты, наиболее заметные на современном этапе – во время его упадка и самодеконструкции. Мышление модерна не смогло избавиться от мифологизма: миф нельзя уничтожить, но можно лишь вытеснить другим мифом. В современной культуре в роли вытесняемой оказалась мифология позитивизма.

2.6. Когда личность становится имманентной, «эмансипируется», отделяется от Бога и перестаёт мыслить себя как образ и подобие Божие, начинается её постепенный распад.

Идеологи Просвещения вычленили из целостного человеческого образа лишь

одно начало – разум – и абсолютизировали его в качестве первоосновы личности. Позитивисты свели разум исключительно к научному знанию. А во второй половине XX века (в культуре постмодерна) научное знание стало нередко трактоваться как «идеологически нагруженное» и «тоталитарное». Утвердилась идея о существовании трёх равновеликих способов познания: научного, эстетического и религиозного. Однако научное знание среди них по-прежнему обладает особым высоким статусом, являясь главным в секулярном обществе источником истинности и нормативности. Тем не менее процесс фрагментации продолжился и пришёл в сферу самоидентификации, личностного самоопределения. Это создало культурную базу для появления идеологии трансгуманизма.

В настоящее время имманентистский дискурс вместе с секуляризмом, гуманизмом и рационализмом последовательно переходят в стадию самодеконструкции и самоотрицания. Когда имманентизм стал утрачивать рациональность как свою основополагающую черту, это привело к формированию постмодерна с его эклектизмом и разорванностью внутрисистемных связей. При этом место секулярности занимает постсекулярность, а место гуманизма – трансгуманизм.

В рамках трансгуманизма индивид распадается на случайные комбинации «элементов идентичности» (таких как гендер), то есть теряет субстантивность, превращается в конструкт. В результате понятие личности всё больше теряет смысловую близость со словами «лик» и «лицо» и всё больше сближается со словом «личина». Сконструированный гибридный индивид, «постиндивид» оказывается совокупностью таких «личин», из которых составляются паззлы идентичностей. Этимология латинского термина индивид (лат. *individ* – «неделимый») позволяет определить постиндивида как «пост-неделимого», то есть «делимого».

Распад и деградация индивида – закономерный результат развития и самоотрицания секулярно-гуманистического мировоззрения, поскольку оно изначально имело нигилистический потенциал, было ориентировано на отрицание традиции и трансцендентного «центра», на самодеконструкцию.

В идеологии трансгуманизма не остаётся постоянных и устойчивых признаков «человека вообще». Под сомнением оказались атрибуты, которые почитались в качестве неотъемлемых составляющих единой автономной

личности: свободы, права, биологическая общность, социокультурные признаки. Причина этого в том, что в условиях распада личности становится неясно, кому эти атрибуты принадлежат, кто самоопределяется и конструирует себя. Человек как единое целое утрачивается, остаётся лишь единство непредсказуемости. Неопределённость сущности человеческого в трансгуманизме ведёт к расчеловечиванию, то есть распредмечиванию человека в его гуманистическом понимании, и концу антропологии.

3. Трансгуманизм как катализатор потребления в современном обществе

3.1. Постмодерн – это эволюция модерна, которая порождает общество потребления и идеологию трансгуманизма.

Сегодняшний день в культурном отношении представляет собой завершение модерна («большого модерна», «современности») – эпохи, включающей в себя Возрождение, Просвещение, Новое и Новейшее время. Основопологающим принципом общества и культуры на протяжении всего модерна был секуляризм. Кульминацией, высшей точкой модерна стал период конца XIX – начала XX века, когда многие учёные и философы полагали, что секулярное рациональное мировоззрение вскоре должно окончательно вытеснить те немногие элементы религиозного, что ещё остались в человеке и обществе, и полностью подчинить себе человеческую культуру. Однако XX век показал, что у рациональности и научного метода познания мира есть свои границы и дальше определённой черты этот способ мышления продвинуться не может. Во второй половине XX века модерн оказался в состоянии острого кризиса – постмодерна (постсовременности). Постмодерн – это не устойчивое состояние человеческого общества и человеческой культуры, а переходное состояние, точка бифуркации. Постмодерн – это не «новая эпоха» и не «конец истории». Постмодерн означает такое состояние модерна, при котором начинается процесс его самодеконструкции.

Социальные и политические формы и институты, в которых существует общество постмодерна, в основном остались прежними, теми же, что и в эпоху модерна. Национальное государство всё ещё остаётся основной единицей политического устройства, хотя и подвергается определённому давлению, со стороны идеологий глобализма и регионализма. Секуляризм по-

прежнему остаётся принципом, закреплённым в конституциях ведущих мировых держав, хотя и дал трещину в виде укрепления традиционных и нетрадиционных религий в мире. За людьми формально по-прежнему признаются равные права и свободы, несмотря на фактическую легализацию новых форм дискриминации (например, «позитивной дискриминации», см. п. 11.11.). Тем не менее перечисленные области подвергаются активной эрозии под воздействием новых ценностей, и это позволяет говорить о том, что в аксиологическом отношении постмодерн является провозвестником новой эпохи. Ключевые понятия модерна, определяющие государство, место религии в обществе, представление о человеке, перешли в постмодерн, но их значение при этом существенно изменилось. Постмодерн представляет собой продолжение модерна на институциональном уровне. Но при этом в социокультурной и политической плоскости происходит постепенная девальвация и деградация его норм и ценностей.

Гуманистическая идея о человеке как о высшей ценности никогда не была реализована на практике и всегда оставалась на уровне благих намерений

Ценностной основой модерна является гуманизм – комплекс идей, в основе которых лежит представление о человеке как о высшей ценности, «мере всех вещей». Идея о человеке как о высшей ценности никогда не была реализована на практике и всегда оставалась на уровне благих намерений. Этот разрыв между теорией и практикой со временем привёл к тому, что сама теория утратила свою состоятельность. В эпоху постмодерна человек последовательно перестаёт быть главной целью, начинает рассматриваться как средство для достижения иных целей. Важным шагом в этом направлении стало преобразование современного общества из «общества производства» в «общество потребления». В производственно-техническом отношении мало что изменилось: фабрики и заводы продолжили производить товары, а люди продолжили их покупать. Но при этом изменилась трактовка этого процесса. Общество производства стремилось удовлетворить естественные потребности человека, тогда как общество потребления стремится сформировать у человека новые потребности, чтобы заставить его потреблять как можно больше. Человек перестал быть целью модерна и стал средством – модерн смирился со своей невозможностью и стал постмодерном. В аксиологическом аспекте это означает перерождение

гуманизма в новую постгуманистическую идеологию, идеологию трансгуманизма, в которой человек уже на уровне базовых установок превращается из цели в средство.

3.2. Трансгуманизм модернизирует общество потребления так, что объектом потребления в нём становится сам человек. Апологеты общества потребления предлагают облегчить человеческую жизнь через потребление всевозможных технических достижений. Однако процесс производства так устроен, что человек рассматривается в нём преимущественно как средство для извлечения прибыли. Точно так же трансгуманизм провозглашает своей целью избавление человека от трудностей через усовершенствование его тела и природы, однако на деле трансгуманистические идеи создают новый гигантский рынок товаров и услуг.

Трансгуманизм рассматривается своими идеологами как долгосрочная мировоззренческая концепция, которая призвана вывести потребление в обществе на новый уровень и сохранить существующие принципы мирового экономического развития. При этом на новый уровень выйдет и прибыль корпораций, которые станут предоставлять услуги по модифицированию человеческого тела. Если раньше человек потреблял образы предметов и явлений, то в трансгуманистическом обществе главным объектом потребления должен стать образ самого человека. Или, говоря христианским языком, объектом потребления должна стать степень искажения человеческого образа, степень отдаления человека от состояния нормы.

Потребление в современном обществе давно стало не столько процессом использования той или иной вещи по её прямому назначению, сколько демонстрацией потребления, потреблением образа вещи. Чтобы такое потребление стало возможным, образ вещи должен получить собственное независимое существование, не сводимое к практической ценности того предмета, к которому он относится. Для потребления человеком образа должно произойти отчуждение этого образа от материального предмета. Точно так же обстоит дело и с образом самого человека. Чтобы потреблять (и конструировать) свой образ, человек вынужден отделять этот образ от самого себя, объективировать его. Такое состояние самоотчуждённости ненормально для человека. Пребывая в нем, человек утрачивает цельность сознания, свою самотождественность.

3.3. Трансгуманизм усиливает роль потребления как квазирелигиозной практики. Символика корпораций, производящих электронные устройства, автомобили, предметы ежедневного пользования, вызывает во многих людях чувства, сопоставимые по своей интенсивности с религиозными. Потребление не только удовлетворяет человеческое самолюбие, но и несёт в себе смысл жизни.

Религиозное отношение к потреблению – это один из столпов, на которых зиждется трансгуманистическая идеология

Потребление человеком различных «собственных образов» или услуг по модификации тела и изменению природы может стать смыслообразующим для всей жизни, стать главной духовной целью человека.

Религиозное отношение к потреблению является одним из проявлений имманентизма, сакрализации имманентных (земных, посюсторонних) предметов и явлений. Устройство общества на началах имманентизма стало следствием процесса секуляризации и разрыва западной культуры с христианской традицией. При этом имманентизм создаёт свои секулярные культы и верования (вера в прогресс, в человека и т.п.). В последние десятилетия распространённой имманентистской квазирелигиозной практикой стало потребление. Идеология трансгуманизма призвана укрепить этот культ, вдохнуть в него новую жизнь. Усовершенствование тела и потребление его образов рассматривается трансгуманизмом как главная «духовная практика», более важная, чем потребление материальных вещей.

3.4. Трансгуманизм претендует на то, чтобы формировать новые социальные нормы. С точки зрения либерального гуманизма жизнь человека и его физическое благополучие являются высшими ценностями, которым должен быть подчинён весь ход человеческой жизни, все идеалы и устремления. Согласно этой точке зрения, тело человека – это и есть сам человек.

При таком подходе любое усовершенствование тела, укрепление его здоровья неизбежно воспринимаются как высшее нравственное деяние, а всё, что может нанести телу ущерб, сократить срок его жизни, рассматривается как безусловное зло. Таким образом, для человека, мыслящего в гуманистической парадигме, трансгуманизм должен стать не просто нормальным, но и нравственно-положительным явлением.

Поэтому пренебрежение трансгуманистическими практиками и тем более целенаправленная борьба с ними в трансгуманистическом обществе должны расцениваться как маргинальные и антисоциальные, а в более отдалённой перспективе могут осуждаться как преступные. В настоящее время подобным образом личный отказ от использования мобильного телефона или сети Интернет оценивается в современном обществе как признак маргинального поведения.

Аналогичное ограничение, если оно будет применено родителями по отношению к своему ребёнку, может быть оценено законом как проявление насилия, несмотря на факт присутствия в телекоммуникационном поле недопустимого для детей контента. В современном обществе использование телекоммуникационных технологий стало нормой и условием полноценной социальной жизни для абсолютного большинства людей. По этой аналогии можно предположить, что в будущем в случае укрепления в обществе идеологии трансгуманизма наступит момент, когда привилегией станет не возможность изменить своё тело, а возможность отказаться от такого изменения для себя и своих детей.

3.5. Трансгуманизм как катализатор спроса на технологии в современном обществе потребления. В социально-экономическом смысле трансгуманизм – это не конец общества потребления, а его выход на новый уровень. Трансгуманизм продолжает призывать ко всё большей технологизации человеческой жизни, с той лишь разницей, что объектом теперь становятся не внешние по отношению к человеку предметы, а его собственное тело.

К настоящему времени отдельные аспекты трансгуманизма, например, стремление к продлению своей жизни, уже стали желанной целью для большей части элит. Однако развитие конкретных технологий возможно, если они имеют спрос. Массовая мода на трансгуманизм может стать эффективным средством пропаганды этой идеологии среди большинства населения и создать не только спрос на подобные технологии, но и полигон для их реальных испытаний.

4. Эстетика трансгуманизма

Трансгуманизм – не только результат развития гуманистической идеологии на протяжении последних веков, но и результат изменения эстетики от

христианских до современных постмодернистских форм.

4.1. Христианскому мировоззрению в мире после грехопадения свойственен примат содержания над формой, души над телом, вечности над конечностью (форма и есть один из образов конечности), этики над эстетикой. Для христианства конфликт формы и содержания является результатом грехопадения: в раю, где не было искажений образа человека и природы, добро и красота были едины. Способ возвращения к этому состоянию христианство видит в поиске нравственности – внутренней красоты человека, в приближении к божественному замыслу о человеке (образу Бога в человеке). Эстетика в христианстве является важной частью пути человеческого преобразования и спасения, но не ключевой. На пути христианского спасения содержание поступков человека первично по отношению к их форме, о чём говорят многие евангельские притчи.

4.2. В жизни человек сталкивается с соблазном «автоматизировать» путь спасения, сделать его запрограммированным и зависящим не от внутренних усилий, а от искусственно созданных внешних обстоятельств – форм (например, исполнение формализованных правил поведения, учение о предопределённости спасения). Придание форме большего значения, чем содержанию, приводит христианское мироощущение в античность и язычество, где отсутствует учение о грехопадении, то есть отрицается существование в мире непреодолимого до конца разрыва между формой и содержанием, этикой и эстетикой.

Античная космология, как и всякая языческая, взятая в её предельном состоянии, материалистична: в ней – всё форма, всё материя, а добродетель (этика) тождественна красоте (эстетике), и внешнее есть полное отражение внутреннего.

4.3. Возрождение провозгласило возврат к античному представлению об идеальной форме как идеальном содержании и таким образом поставило культуру в положение противостояния с христианской традицией. Природа в Новое время была признана идеальным механизмом (как в Античности), работающим по совершенным законам, к красоте и точно сти работы которого должны стремиться человек и общество.

Возрождение и последовавшие за ним культурные эпохи вплоть до

сегодняшнего дня постепенно устанавливали власть формы над содержанием. Возрождение закрепило идеологическую власть формы. Форма стала определяющим элементом знака, мифа, культуры; содержание было поставлено в подчинённое положение форме. По этой причине вся последующая культурная эпоха до наших дней – это время, в которое доминировало и являлось определяющим визуальное (пространственное) искусство.

Секулярная культура пыталась создать идеального человека, не знающего грехопадения

Доминирование формы в культуре привело к попытке нарисовать, слепить, а значит – воплотить в жизнь желаемый образ идеального человека, не знающего грехопадения, болезней и смерти. В области антропологии произошло возвращение к антично-материалистическому пониманию человека, в котором перестали различать душу и тело, конечно-земное и вечное начала. Это было в своей основе религиозное стремление вернуть человека в рай, преодолеть несовершенства и страдания мира, но сделать это в обход пути христианского спасения. Человеческое тело было объявлено красивым, а потому божественным само по себе, независимо от качеств творца, его создавшего, – будь этим творцом личный Бог или обезличенная эволюция.

4.4. Доминирование формы в культуре Нового и Новейшего времени ведёт к эстетическому релятивизму. Обожествление эстетики человеческого тела, то есть материального образа человека, означало постепенный отказ от идеи образа, «иконы» Бога в человеке. Материалистическое обожествление человека привело к его эстетической автономии: источником и мерилom красоты был объявлен сам человек. Стали создаваться секулярные образы «абстрактного», «идеального» человека, совершенство которого может быть выражено абстрактным образом, без Бога – в виде числа и пропорции.

Художники Возрождения стали первыми новыми демиургами своей современности, поскольку создавали человека из абстракции. Несмотря на их веру в то, что эта универсальная и идеальная абстракция достижима, попытки приблизиться к ней уводили художников всё дальше от неё. В начале этого пути была потеряна нравственная красота человека, с веками терялась и красота телесная. Творческий поиск нового идеала человеческого

облика оборачивался потерей первоидеала, что вело к эстетическому релятивизму.

4.5. «Формалисты» («гуманисты») и «деконструкторы» («дегуманисты») на протяжении последних столетий обе спечивали доминирование и власть формы в культуре. Эстетический релятивизм Новой и Новейшей истории культуры, подчинённый примату формы, основан на диалектическом единстве двух полюсов: от абсолютного утверждения формы до её абсолютного отрицания, от сакрализации человека (гуманизм) до его полного отрицания (дегуманизм) – отрицания в каком-то смысле тоже религиозного.

Первый полюс – это «формалисты» («гуманисты»), создающие сверхчеловека из искусственно созданных форм (витрувианский человек, ницшеанский «сверхчеловек», «арийский» человек) и отождествляющие красоту и добродетель. «Формалисты» в своём пути всегда устремлены к диктатуре, тоталитаризму в форме, которая в религиозном смысле является язычеством, а в политической сфере всегда ведёт к фашизму.

Если модернисты разрушали традицию, то постмодернисты разрушают воспоминание о традиции

Второй полюс – это «деконструкторы» (дегуманисты), антифашисты. «Деконструкторы» своей задачей видят вечное разрушение формы – формы, которая вечно стремится к тоталитарности и фашизму. «Деконструкторы» также отождествляют красоту и добродетель, признают примат формы, поэтому уделяют такое большое внимание борьбе с ней как первопричиной культурных и социально-политических кризисов. И если «формалисты» отвечают за сакрализацию «новых» форм, то «деконструкторы» – за разрушение «старых», за «актуальное» искусство, за то, чтобы революция формы и война с формой никогда не прекращались, так как их прерывание, с точки зрения «деконструкторов», грозит ещё большими кризисами и войнами. Активность «деконструкторов» усилилась после Второй мировой войны. Борьба с любой формой стала окончательно осознаваться как главный культурный метод, антифашистский и глубоко нравственный акт. Это дало путь последовавшему этапу развития культуры – постмодерну, в котором утверждение абсолютизации формы не вступало в противоречие с её отрицанием и достигалось путём такого постоянного отрицания.

Новые формы создавались через отрицание: в эпоху постмодерна отрицание формы стало главным способом творения новой формы. Если раньше модернисты строили свой мир с помощью энергии разрушения самой традиции, то постмодернисты для продолжения собственного бытия разрушают воспоминания о традиции, включая различные вновь конструируемые аллюзии на них.

Несмотря на отсутствие у них позитивной повестки, «деконструкторы» имеют внутренний стержень и мотивацию: свою стихию перманентной революции и войны с формой, гармонией, мерой, ритмом они оправдывают тем, что борются со стихией фашизма как с онтологическим свойством человеческой личности и самой культуры, которое нельзя искоренить полностью. Этим «деконструкторы» оправдывают присвоенные себе полномочия блюстителей современной культуры.

«Деконструкторы» как борцы с фашизмом и кураторы культурной безопасности получили привилегированный статус и возможность задавать тон в так называемом современном и актуальном искусстве. По наследству от идеологов Возрождения и Просвещения им досталось право наполнять понятие «современный» определённым идеологическим содержанием – «противостоящий традиции». Трактовка «современности» стала способом конструирования определённой картины социокультурной реальности.

В свою очередь «формалисты» в настоящее время ощущают себя оппозиционной и консервативной силой, отстаивающей идею «классических» гуманистических ценностей как источника нормативности, гуманистической «традиции». Оппозиционность и консервативность «формалистов» носит вторичный, обеспечивающий характер. Они являются ложной альтернативой «деконструкторам» и обслуживают развитие их идей.

«Формалисты» и «деконструкторы» являются движущей силой комплекса тех идей, которые в истории культуры называют постмодернизмом, а в антропологии – трансгуманизмом («постмодернизм» и «постгуманизм» являются эквивалентными терминами). Они строят нового гибридного человека путём дальнейшего разложения цельного человеческого образа.

4.6. Постмодернизм создал иллюзию того, что в век краха абсолютных ценностей и оснований для всякой формы и жизни возможно снова вернуться

к содержанию и смыслу методом дальнейшей деконструкции модерна. Однако речь идёт не о выходе из секулярной Новой истории, а лишь о тактическом изменении форм и методов продления её ценностей и принципов.

Содержание, которое пытается возвести на пьедестал постмодернизм, – это содержание дехристианизированного гуманизма. Модерн – это христианство без Бога (гуманизм), постмодерн – это модерн без христианства.

Постмодерн – это действие в культуре принципов гуманизма и всего Нового времени (главный из которых – революция, отказ от традиции), взятых без их квазирелигиозной, постхристианской матрицы. Разрушая формы модерна и человека модерна, постмодерн демонстрирует их внутреннюю пустоту, отсутствие метафизического содержания и какой бы то ни было памяти о прошлых религиозных основаниях. Эту пустоту постмодернисты предлагают свободно заполнять квазирелигиозными фантомами, иллюзиями, симулякрами и миражами. Этот процесс привёл к появлению современного дегуманизированного, расчеловеченного концептуального искусства, в этике и эстетике которого отсутствует какая-либо нормативность.

Появившийся из этих условий трансгуманизм (постгуманизм) также является способом продления жизни философии старого гуманизма (главный принцип которой – внерелигиозное развитие человека, вера в возможность автономного прогресса человеческой природы).

Трансгуманистические идеи, как ранее гуманистические, однажды могут перейти из разряда передовых и революционных в категорию нормативных. В этом случае нынешние «деконструкторы» станут «формалистами» и от творческого разрушения перейдут к репрессивному охранительству. На этом этапе трансгуманизм начнёт двигаться в сторону новой версии фашистской идеологии – постгуманистическому фашизму.

4.7. Гуманизм использует в качестве источника своего развития уничтожение традиции, а в трудные моменты собственного кризиса – покушается на жизни самих людей.

В системе противостояния «формалистов» и «деконструкторов» нет места восстановлению традиции и христианских оснований культуры, эта система развивается только в сторону от традиции.

Для гуманизма и процесса расчеловечивания главным ресурсом является христианский человеческий образ. Поэтому гуманизм сначала использует в качестве источника энергии для своего движения традицию – он деконструирует традиционную религиозность (христианство), традиционный образ человека. Затем, когда лишённая традиции культура начинает переживать кризис ценностной пустоты, гуманизм уничтожает самого человека (концлагеря, аборт, эвтаназия, евгеника). Это не ошибка, а закономерное развитие гуманизма: когда нормативность переживает очередной виток кризиса (истощаются источники, откуда эта нормативность черпается), гуманистическая культура покушается на саму жизнь человека как последний источник продления исторической жизни гуманизма.

4.8. Идея абсолютной формы, которой служит культура Нового и Новейшего времени, ценностно опустынивает культурное пространство.

4.9. При этом гуманизм и формы его развития вплоть до трансгуманизма не являются запрограммированной линией исторического развития. Гуманизм – не исторически предопределённая судьба, но феномен, относящийся к сфере морального выбора.

4.10. Христианство существует вне парадигмы гуманизма. Гуманизм не часть христианства. Гуманизм не является порождением христианства. Гуманизм не является историческим мейнстримом, несмотря на то, что саму современную эпоху мы часто можем называть гуманистической. Гуманизм в истории существует не сам по себе, а как многочисленные формы гуманистического паразитирования на христианской нормативности или отрицания христианства. Все эти формы вторичны по отношению к христианству, в котором нет противоречия и борьбы между формой и содержанием.

Гуманизм и трансгуманизм являются репликой языческого, дохристианского мировоззрения

4.11. Стремление гуманизма к искусственному созданию человека, в котором не будет противоречия формы и содержания, перешло и в трансгуманизм. Его квазирелигиозное стремление пытается искусственно, через сконструированные формы, симитировать райский образ идеального человека, образ цельности и нерасщеплённости человека, достичь его

вненравственными методами, не признавая грехопадения. В этом смысле гуманизм/трансгуманизм является репликой античной философии в частности и языческого мировоззрения в целом.

4.12. Христианство может видеть как в гуманизме, так и в трансгуманизме признаки иконоборчества.

Отличие христианства от гуманизма/трансгуманизма, как и от языческого восприятия мира, в том, что христианство знает грехопадение и в споре между формой и содержанием всегда опирается на содержание и не доверяет форме. Содержание в этом случае всегда основывается на религиозном откровении, но никогда на логических построениях ума. Помня о грехопадении, христианство отстаивает идею о том, что конфликт между формой и содержанием, то есть рассогласование между идеей и её воплощением, является результатом исключительно нравственного падения человека. Поэтому достичь состояния единства формы и содержания как в человеке, так и в мире, то есть состояния нормы, возможно только через нравственный акт. Эта цель и движение по этому пути составляют основу христианской традиции.

В этом смысле путь христианства противоположен пути гуманистическому и трансгуманистическому. С христианской точки зрения гуманизм и трансгуманизм вольно интерпретируют и искажают ту часть человека, которая ему не принадлежит полностью, – его образ, который есть образ божественный. Не только конструирование, но и превозношение идеалов человеческого тела и человеческой природы самих по себе, в отрыве от идеалов божественных, с христианской точки зрения уже является иконоборчеством – отрицанием собственно божественного начала в человеческом образе.

5. Трансгуманизм как квазирелигия

5.1. Трансгуманизм является секулярным квазирелигиозным учением. Спор между рационалистической наукой и религиозным мировоззрением, который вёлся в XIX и XX веках, стоил человечеству миллионов погибших в ходе секулярных социальных экспериментов и войн, имевших рациональное обоснование. Исторические катаклизмы продемонстрировали разрушающую и иррациональную силу научного знания, взятого в отрыве от религиозных

нравственных норм.

Секулярность исторически борется с традиционной религиозностью, однако при этом сама использует религиозные методы, несёт в себе квазирелигиозные, или имплицитно-религиозные, основания. Например, утилитарная (секулярная) этика в той мере, в которой она ориентирована на альтруистическую мотивацию и допускает целеполагание, выходящее за хронологические рамки одной человеческой жизни, копирует структуру традиционной этики и вкладывает в эту этику уже собственное новое содержание. Множество секулярных норм, обычаев, запретов и предписаний напоминают те же явления в культуре традиционно-религиозной.

Существование собственной «религиозности» в секуляризме долгое время выносилось за скобки и позволяло светской культуре существовать, не вступая в противоречие с самой собой. Однако укрепление и победы секуляризма обострили противоречия внутри этой идеологии, что в середине XX века привело к глубокому кризису этой концепции, центральной для современного западноцентричного мира.

Секуляризм столкнулся с необходимостью легализовать свои имплицитные религиозные основания.

Первым шагом на этом пути стало творчество постмодернистов, которые боролись с классическим модерновым (секулярным) взглядом на культуру и человека и провозгласили сосуществование бесконечного множества «истин», как научных, секулярных, так и религиозных. Таким образом было легализовано религиозное сознание. С 1960-х годов началось постепенное возвращение религии и религиозного в общественный дискурс во многих странах.

Однако возвращение религиозного не остановило движение секуляризма и даже укрепило его. Секуляризм стал искать новые формы своего существования, которые всё чаще называют «постсекулярными». Постсекулярность – состояние культуры, в котором нет чёткой границы, отделяющей секулярное от религиозного. Легализация в культуре в целом религиозного позволила секуляризму самому более открыто переходить к религиозной риторике, вскрывая свои собственные имплицитно-религиозные основания, которые всегда в нём существовали.

Трансгуманизм, как и все иные разновидности прогрессизма, является имманентистской «религией» современности

Постсекулярность не делит знания чётко на религиозное и научное, на имманентное и трансцендентное: точная наука, рационализм, сциентизм всё реже апеллируют к авторитету «рациональной» научности и всё чаще открыто действуют как своеобразные религиозные (квазирелигиозные) учения. Если в эпоху раннего модерна весь мир объявлялся сферой науки, то в эпоху постмодерна и постсекулярности – сферой «религиозного». Трансгуманизм, как и вера в прогресс, является одной из современных имманентистских «религий».

Этим трансгуманизм отличается от гуманизма: гуманизм действует в классической секулярной парадигме (открытая борьба с традиционной религией), трансгуманизм – в постсекулярной (борьба секуляризма с религией становится межрелигиозной).

Заявка трансгуманизма на достижение бесконечности земной жизни устраняет из человеческой жизни традиционный эсхатологический смысл и исключает все традиционные трансцендентные основания морали. Однако одновременно с этим трансгуманизм вводит в культуру секулярные идеи бесконечности и бессмертия, которые «взламывают» секулярный дискурс изнутри. Трансгуманизм фактически продолжает раскрывать наличие в секуляризме собственных имплицитных религиозных оснований. Эти религиозные («квази-», имплицитно религиозные) основания служат основой для формирования собственной этической системы с новым пониманием добра и зла, которая предлагается современному обществу трансгуманизмом.

При этом давление на традиционные религии с провозглашением постмодерна и началом постсекулярности не сократилось, изменилась лишь риторика. Война науки и религии в эпоху постмодерна и постсекулярности превращается в межрелигиозную войну – войну имманентистских «религий» и этик против традиционных.

5.2. Философия трансгуманизма не рассматривает природу человека во всей её полноте. Трансгуманизм опирается на естественные и технические науки. Он оперирует биологическим представлением о человеке, в соответствии с

которым человек ничем принципиально не отличается от любого другого млекопитающего. Многие виднейшие идеологи трансгуманизма были биологами-эволюционистами. Их построения опирались на синтетическую теорию эволюции (синтез теории Дарвина и генетики). Однако для усовершенствования человека, помимо естественной эволюции, трансгуманизм предполагает использование эволюции искусственной, ускоренной с помощью прикладных био-, генетических и информационных технологий. Трансгуманизм опирается на эволюционистскую идею, которая предполагает, что эволюционный процесс можно подчинить технологии и сделать его целенаправленным.

Одним из общепринятых определений человека в современной науке является его характеристика как биосоциального существа. Поэтому современная антропология отдаёт предпочтение одной из этих двух сторон человеческой природы – биологической и социальной. При этом духовный аспект человеческой личности не рассматривается отдельно от социального аспекта и подчинён жёстким рамкам идеологии гуманизма. Фактически в современный век – век кризиса богословия – изучение духовной стороны человеческого существования выводится за рамки общественно допустимого, подвергается маргинализации. В современной культуре светский исследователь духовной природы человека стоит между двумя ложными альтернативами: гуманитарным знанием (социальными науками), подчинённым гуманистическим догматам, с одной стороны, и областью свободного искусства и мистики – с другой. Последняя область основывается на нравственном релятивизме, поэтому не может смотреть на человека в его целостности и, кроме того, также не выходит за идеологические рамки гуманизма.

Трансгуманизм как результат развития гуманизма не интересуется духовной стороной человеческой природы, исключая существование в человеке отдельного духовного начала – души. Основываясь на секулярном гуманизме и следуя принципам крайнего индивидуализма, философия трансгуманизма не рассматривает природу человека во всей её полноте.

5.3. Бессмертие как цель трансгуманизма и нравственная проблема. Главной целью философии трансгуманизма является совершенствование человека вплоть до достижения им физического бессмертия. Несмотря на то, что эта цель утопична, её достижению во многом подчинён биотехнологический

прогресс современной науки. Трансгуманизм рассматривает достижение бессмертия исключительно как техническую задачу. Однако бессмертие является не только естественнонаучной, технической, но и нравственной проблемой.

Как и любая квазирелигия, трансгуманизм создаёт и утверждает собственную этическую систему

Если искусственное бессмертие - это фантазм, то сама идея об искусственном бессмертии, вера в возможность его достижения реальны. Эта идея влияет на сознание современного человека ещё до своего воплощения (даже если этого никогда не произойдёт). Такая вера является формой квазирелигии, поскольку она не имеет трансцендентного объекта, но при этом способна формировать цель и смысл человеческой жизни для многих поколений. Как и любая квазирелигия, трансгуманизм создаёт и утверждает собственную этическую систему: «нравственно то, что ведёт человека к физическому бессмертию, безнравственно то, что уводит человека от него». Поэтому этика трансгуманизма неизбежно вступает в противоречие с традиционной этикой.

Например, подобная попытка создания новой этики взамен традиционной была предпринята немецким нацизмом: «хорошо то, что хорошо для немецкого народа». И следование этому принципу оправдывало убийства миллионов людей. Любая этическая система, основывающаяся на имманентной сверхидее и ставящая себя выше традиционной этики, неизбежно приведёт к аналогичным последствиям.

Если этика трансгуманизма, основывающаяся на превозношении физического бессмертия, получит распространение (и общество поставит себя в зависимость от этого миража), это приведёт к искажению традиционных нравственных норм и большим потрясениям.

5.4. Попытка создания искусственного интеллекта - это поиск бессмертия. Идеология трансгуманизма тесно связана с информационными технологиями. В трансгуманизме сосуществуют два направления по их использованию. Первое направление имеет своей целью использование информационных технологий в качестве вспомогательного средства для биотехнологического усовершенствования человеческого тела.

Второе направление связано с разработкой искусственного интеллекта и попытками использования искусственных (например, электронных) носителей для записи человеческой памяти. Предполагается, что получение технической возможности распознавания и перевода всего объёма и связей человеческой памяти в цифровой код, будет равнозначно достижению человеческого бессмертия. В дальнейшем память с подобного носителя можно будет перенести в новое биологическое, робототехническое или комбинированное (киборг) тело. Создание искусственного интеллекта – это эвфемизм, выражение из секулярно-сциентистского языка, означающее создание «искусственной души». Поэтому поиск ответа на вопрос, как функционирует человеческий мозг и человеческое сознание, является важным элементом разработки искусственного интеллекта. Мечта об искусственном интеллекте нашла своё отражение в современной культуре в виде попыток очеловечить компьютер и компьютеризировать человека. При этом в современной массовой культуре укрепилась устойчивая тенденция изображать роботов (компьютеры) более человечными и гуманными, чем человек: навязывается идея о том, что роботы лучше людей. Это оправдывает, «гуманизирует», оживляет технологии и прививает мысль о том, что изменение человека с помощью технологий является в своей основе положительным явлением.

Общество, воплощающее идеи трансгуманизма в жизнь, становится социал-дарвинистским

5.5. Трансгуманизм – это учение о предельном эгоизме. Этот аспект трансгуманизма прямо вытекает из игнорирования им духовной стороны человеческой личности, то есть тех её потребностей и стремлений, которые по своему происхождению не связаны с физиологией или предшествуют ей. Тело человека в трансгуманистическом и гуманистическом понимании и есть сам человек. Изменение и «усовершенствование» своего тела – эгоистический акт, который позволяет современному человеку сымитировать собственную власть над собой и своей природой. Этот акт оправдывается либеральным пониманием свободы как «возможности беспрепятственно делать всё, что прямо не противоречит свободе других людей». Общество, воплощающее идеи трансгуманизма в жизнь, становится социал-дарвинистским.

В философии трансгуманизма нет элемента, который мог бы ограничивать

так называемую «свободную конкуренцию» отдельных индивидов. Крайний индивидуализм как ключевой социальный принцип трансгуманизма способствует усилению атомизации общества. Возведение эгоизма в ранг естественного человеческого состояния раскрепощает человека вплоть до саморазрушения.

5.6. Трансгуманизм не содержит элемента социальной справедливости. Трансгуманизм – это идеология, которая ориентирована на отдельного человека, а не на общество в целом. Утопия, которую она изображает перед человеком, сугубо индивидуалистична, социальные взаимоотношения остаются вне её поля зрения. Это открывает большое пространство для появления элитарных концепций, инкорпорированных в трансгуманизм. Наиболее очевидная перспектива трансгуманизма в области социального конструирования – разделение человеческого рода на две или более больших социальных групп, классов, каст. Принадлежность к определённой касте будет определяться на физиологическом уровне.

Она может зависеть от трёх основных факторов. Ими могут быть: 1) био- и нанотехнологические изменения, вносимые в человеческое тело на протяжении его жизни (изменение пола, техноимпланты; в настоящее время этот фактор реализуется в формате «меньшинства» трансгендеров); 2) изменения, вносимые в генетический код человека в пренатальный период жизни (в настоящее время это реализуется в виде диагностики заболеваний ребёнка в пренатальный период); 3) уровень доступа к трансгуманистическим технологиям в целом (включая технологии продления жизни), который определяется уровнем материального достатка человека. Последний фактор является следствием существующего сегодня материального расслоения и, соответственно, неравенства доступа к современным медицинским технологиям. В случае укрепления идеологии трансгуманизма каждый из перечисленных факторов может как прогрессировать наравне с остальными, так и получать преимущественное развитие. Трансгуманизм ведёт общество в противоположную от солидарности и социальной справедливости сторону.

Принцип солидарности своими истоками восходит к традиционной религиозной этике. Однако традиционная этика, имеющая религиозное происхождение и ограничивающая эгоистические устремления человека, рассматривается трансгуманизмом как ненаучная и даже препятствующая

научно-техническому прогрессу (например, как ведущая к ограничению биоэкспериментов по этическим соображениям).

Идеи трансгуманизма, таким образом, ведут к реорганизации человеческого общества по образцу животного мира с жёсткой социальной детерминированностью жизни каждого индивида.

5.7. Трансгуманизм не совершенствует человеческую природу. Человеку присуще религиозно-нравственное начало. Оно является одним из тех факторов, которые определяют человека. Религиозный подход к совершенствованию человека и мира предполагает стремление человеческой личности к нравственному преображению и совершенствованию себя самой. Изменив состояние своего духа, человек может изменить состояние своего тела. И лишь совершенствуя себя нравственно, человек совершенствует окружающий мир.

Трансгуманизм в свою очередь игнорирует религиозно-нравственную сторону человеческой личности. Следуя установкам секулярной науки Нового времени, трансгуманизм использует прямо противоположную логику. Трансгуманизм предлагает изменять состояния тела научно-техническим, то есть внешним и не зависящим от нравственных усилий человека способом. Иными словами, трансгуманизм пытается изменить человека, меняя мир (внешние по отношению к человеку факторы), но полностью игнорирует внутренний и главный источник развития человека – его нравственность и волю. Трансгуманизм предлагает человеку следовать по пути, где ему можно будет как можно реже делать нравственный выбор, поскольку любой поступок будет предопределён извне: человек будет призван принимать то, что ему уготовано научно-технологическими достижениями. Но такой путь не может сделать человека лучше и счастливее. Состояние счастья или просто хорошее состояние человека не может прийти без его собственной внутренней, «духовной» работы. Насыщение внешним результатом без такой внутренней работы только усугубляет неудовлетворённость, нарушает процесс формирования новых человеческих потребностей и приводит человека к духовному упадку.

Трансгуманизм ставит человека в положение тотальной зависимости от технологий

5.8. В трансгуманистической модели будущего нет места свободе. Трансгуманизм предлагает человеку путь самоопределения через бесконечный «выбор себя», через «свободный поиск» и формирование своей уникальной идентичности. Следуя по этому пути, человек всецело подчиняется собственным страстям и внешним обстоятельствам, становится слабым и зависимым, утрачивает самого себя. Трансгуманизм декларирует цель расширения границ человеческой свободы за счёт использования современных технологий, но ведёт к противоположному – к полной зависимости человека от технологий.

Человеческая свобода – это не физическое, а нравственное понятие. Человек может чувствовать себя свободным, пребывая в стеснённых внешних обстоятельствах (например, живя в бедности). И, напротив, человек может чувствовать себя несвободным, когда он внешне ничем не ограничен (например, находясь в состоянии психологической зависимости). Нравственный поступок – это акт волевого самоопределения человека, акт подлинной свободы. Свобода – это не возможность удовлетворить любую потребность сразу после её возникновения и не статичное состояние удовлетворённости всех потребностей. Свобода – это поступательное движение к намеченной цели, которое достигается постоянным волевым усилием в пользу нравственного выбора.

5.9. Трансгуманизм соблазняет человека властью, но не даёт её. Стремление к власти – одна из фундаментальных тем человеческой истории и культуры, которую идеология трансгуманизма также не обходит стороной. Трансгуманизм обещает человечеству в будущем технологическую сингулярность, которая принесёт человеку власть над временем и пространством, близкую к абсолютной. Но власть, которую даёт в руки человека научно-технический прогресс, иллюзорна. Современные технологии достигли такого уровня сложности, при котором человек, использующий их, не способен выступать в роли их полноценного обладателя. В создании современного технического устройства принимают участие множество специалистов, ни один из которых не способен самостоятельно воспроизвести весь производственный цикл. Власть, даваемая технологиями, не распределена между большим числом людей и не принадлежит каждому человеку. Она по-прежнему находится в руках у тех, кто обладает властью идеологической и политической.

Есть и другая сторона темы технологического могущества. Чем большее развитие и распространение получают технологии, тем в большую зависимость от них попадает каждый отдельный человек и всё общество.

В результате такой зависимости общество утрачивает возможность отказаться от использования технологий, и они становятся одним из условий его выживания. Таким образом, не только технологии работают на общество, но и общество работает на технологии. Роль отдельного человека в такой системе сводится к положению незначительного элемента в огромном механизме. Человек перестаёт быть целью научно-технического прогресса и становится его средством.

5.10. Трансгуманизм не избавляет от страхов. Общество в современных развитых странах характеризуется высоким уровнем психологических девиаций или заболеваний. Наиболее распространёнными психологическими проблемами, с которыми сталкивается современный человек, являются чувства тревоги и страха, которые могут принимать формы устойчивых социальных фобий. Они связаны с мировоззрением человека и с тем настроением, которое создаёт вокруг человека современная культура. Важнейшая причина подобных фобий заключается в кризисе культуры, вызванном отказом от понятий культурной и этической нормы, ослаблением нормирующих нравственных ориентиров, переходом общества к релятивистской системе нравственных координат.

Следуя за либеральной идеологической парадигмой, трансгуманизм ставит перед собой цель избавить человека от социальных, культурных и даже экзистенциальных (религиозных) страхов путём изменения внешних условий жизни людей. Трансгуманизм, предлагая поверить в безграничные возможности технологий, обещает преодолеть технически негативные ожидания и социальные фобии.

Последователь идеологии трансгуманизма любую угрозу своему материальному благополучию воспринимает как онтологическую угрозу

Однако такая борьба со страхами – путём изменения внешних условий без изменения внутреннего состояния человека – только умножает их. Трансгуманизм проповедует исключительно материалистическое

существование и отказ от нематериальных, неутилитарных ценностей. Носитель таких взглядов любую ситуацию, которая ставит под сомнение его материальное благополучие, неизбежно будет воспринимать как онтологическую угрозу, поскольку материальное определяет границы существования такого человека, его персональное бытие. В трансгуманизмекратно усиливается психологическая зависимость человека от материального. Чем более культура становится материалистической (имманентной), тем сильнее будут проявляться социальные фобии. Таким образом, философия трансгуманизма ведёт не к ослаблению, а к усилению страха в обществе, делает его постоянным спутником человека.

5.11. Трансгуманизм не знает понятия подлинного счастья. Секулярная культура нацеливает человека на достижение земного счастья. Счастье рассматривается как высшая ценность, уступающая по значимости лишь ценности самой жизни. Образ счастья прочно привязывается современной культурой к чувству обладания – предметами, возможностями, состояниями. В соответствии с гуманистическими представлениями тело человека является одним из предметов собственности, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению. Для трансгуманизма тело становится главным и центральным объектом обладания. В социальном аспекте это приводит среди прочего к восприятию тела как показателю социального статуса и выражается на практике в максимальной демонстрации тела и тех изменений, которые призваны его «улучшить».

В личностно-психологическом аспекте отношение к телу как собственности и товару также накладывает свой отпечаток на понимание счастья его «обладателем». Понимание счастья как особого эмоционального состояния заменяется состоянием безостановочного удовлетворения потребностей. Все потребности, даже самые возвышенные и сложные, в трансгуманизме, как и любом материалистическом учении, понимаются исключительно как часть физиологии человека, то есть считаются полностью познаваемыми научными методами. Стремление к постоянному неограниченному удовлетворению потребностей ведёт к устранению из человеческой жизни элемента волевого усилия, которое воспитывается человеком, когда он делит свои потребности на полезные и вредные (страсти). Работа воли является источником движения и жизни в душе человека, без которой даже в активном с внешней стороны человеку происходит угасание душевной чувствительности и

теплоты. Трансгуманизм в лучшем случае приводит к пониманию счастья как состоянию никогда не заканчивающейся погони за счастьем, что, скорее, напоминает, состояние вечной неудовлетворённости. В худшем случае счастье ассоциируется в этой системе ценностей как отсутствие всякого желания и мотивации, как теплохладность.

Трансгуманизм не рассматривает традиционное представление о счастье – как свободу совершать волевое усилие в пользу нравственного выбора. Трансгуманизм не только обрекает человека на зависимость от внешних условий, но и приводит к постепенному охлаждению его души, воли, желаний.

5.12. Трансгуманизм не преодолевает уныние. Главная черта трансгуманизма как квазирелигии – вера в управляемую эволюцию, в прогресс человеческой природы. Эта вера может временами заполнять собой всё пространство религиозного поиска человека, предлагая свои ответы на основные религиозные вопросы – о смысле жизни и смерти. Состояние религиозной жизни общества, ограниченное верой в прогресс человеческой природы, не оставляет места живой религиозной жизни.

Трансгуманизм не в состоянии заполнить всё религиозное пространство человека и общества: он лишь временно ограждает от религиозного поиска. Причина этого в том, что вера в возможность науки сделать человека совершенным не избавляет общество от страха смерти и не даёт человеку ответа на вопрос «почему?», который может быть дан только с религиозных позиций.

Трансгуманизм не в состоянии заполнить собой всё религиозное пространство: он лишь временно ограждает человека от религиозного поиска

«Почему?» – это вопрос о смысле человека и человечества, смысле жизни и истории: «почему это произошло со мной?», «почему есть жизнь и смерть?», «почему в мире есть страдания?».

Трансгуманизм маргинализует, вытесняет за рамки общественно приемлемых тем и делает неважными усилия религиозного духа и религиозные вопросы, отвечая на них технологическими формулами. Со временем это приводит культуру к обострённой религиозной потребности и

состоянию нравственного упадка одновременно. Трансгуманистические идеи как результат развития гуманистических идей ещё до своего практического воплощения создают состояние непреходящего «серебряного века» – незакончивающегося угасания культуры.

Развитие комфорта, обеспеченного технологиями, усугубляет это состояние. Растущая сила технологических возможностей чаще напоминает и более ясно демонстрирует, что состояние человеческого духа и его несовершенство остаются при этом неизменными или деградируют.

Такая растущая диспропорция между технологической и духовной сторонами человеческой жизни, характерная для философии и идеологии трансгуманизма, ведёт к ослаблению духовного начала в человеке. В основе этого явления лежит состояние уныния – угасание в человеке желания жить, несмотря на физическое здоровье и материальное благополучие. Уныние в христианстве является грехом, поскольку зависит не от внешних обстоятельств, но только от нравственного и волевого выбора человека. Уныние преодолевается только верой, надеждой и любовью.

5.13. Трансгуманизм ведёт не к новой антропологии, а к концу всякой антропологии. Если гуманизм создавал «нового человека», то трансгуманизм стремится уйти от человека вовсе – к трансчеловеку, постчеловеку. Человек для него не цель, а средство, переходный этап на пути к следующему звену эволюционной цепи. Поэтому трансгуманизм в перспективе разрушает антропологию как науку, которая ищет определение понятию «человек». Фактически трансгуманизм планирует вывести понятие «человек» за рамки допустимого дискурса (запретить это понятие) так же, как сегодня в культуре западных стран пытаются табуировать идею о биологическом поле, запретить публично разделять людей на мужчин и женщин. В этом смысле трансгуманизм отрицает антропологию, потому что отрицает человека.

5.14. Трансгуманизму как идеологии и квазирелигиозному учению необязательно воплощать те идеи, которые он провозглашает. Если общество принимает идеологию трансгуманизма (как и любой другой вид секулярного прогрессизма) и подчиняет своё развитие её утопическим целям, то оно кардинальным образом меняется в тот же момент времени, ещё до того, как воплощаются отдельные реальные черты этого учения. Вера в утопические идеи автоматически делает их частью мышления людей и

меняет людей, даже если воплощение таких идей невозможно в принципе и никогда не произойдёт. Неважно, насколько в действительности трансгуманистические гипотезы и мечты могут стать реальностью: общество трансформирует первоначальные идеи, а не результаты их воплощения.

Трансгуманизм способен стать духовным состоянием общества, даже если его идеи никогда не воплотятся в жизнь

Поэтому различные ожидания невоплощённой трансгуманистической утопии – как обнадёживающие, так и тёмные, как возможные, так и невозможные – уже сейчас характерны для современного общества. Трансгуманизм способен стать духовным состоянием общества раньше, чем воплотятся в жизнь его идеи, даже если они никогда не воплотятся.

5.15. Трансгуманизм претендует на то, чтобы стать одной из эффективных политических технологий. Как однажды защита прав человека и прав различных меньшинств стала инструментом внутренней и международной политики, способом политического влияния и воздействия на принятие политических решений, так и идеи трансгуманизма могут стать политтехнологией – инструментом политического воздействия на личность, социальные институты и государство.

6. Технология как альтернатива нравственности

6.1. Трансгуманизм является следствием не технического прогресса, а философии технологизма. Научно-технический прогресс и отдельные научные дисциплины не всегда развиваются по объективным законам. Нельзя также сказать, что научное развитие происходит вследствие череды случайных открытий. Научное развитие происходит по тем линиям, которые для него предварительно обозначила философия и вырастающая из неё идеология. Чтобы то или иное открытие или изобретение стало возможным, получило известность, а затем и было применено на практике, ему должно предшествовать идейное обоснование. Поэтому идеология является тем, что определяет и оправдывает направление технического развития. Идеология научного развития, как и любая другая идеология, может оставаться незамеченной и неосознаваемой для большинства людей и даже для самих учёных, однако она является тем, что определяет ход их мысли, представления о должном и недопустимом, характер действий в работе и

повседневной жизни. Идеология тем более успешна, чем меньше количество людей её осознают в качестве таковой. Технологизм – одна из таких скрытых и незаметных идеологий, сложившихся со времён Возрождения. Этим объясняется успех комплекса этих идей и этого мировоззрения, укрепившихся в Новое время и сохраняющих своё влияние до сегодняшнего дня.

Ключевой идеей технологизма является мысль о том, что человек может и должен преобразовать мир к лучшему, используя знание механизмов его функционирования. В разные эпохи эта мысль выражалась по-разному. Например, через уверенность в том, что, используя некое эзотерическое знание, можно получить власть над миром и постичь его тайны (гностицизм). Или через идею о том, что общество можно реорганизовать таким образом, чтобы оно всегда было направлено ко благу, даже если все его представители – предельно эгоистичные и безнравственные индивиды. Или через убеждённость в том, что научно-техническое развитие в будущем позволит решить все спорные и конфликтные вопросы, привести к миру и согласию как небольшие группы людей, так и всё человечество.

Идея технологизма не нова, и её нельзя считать принадлежащей какой-то одной исторической эпохе; её истоки теряются в глубокой древности. Однако с Нового времени она становится основой западной культуры и важнейшим механизмом глобализации.

Трансгуманизм – это преломление идей технологизма в сфере антропологии. Технологизм обосновывает и оправдывает трансгуманизм, является для него ключевой предпосылкой. Технологизм рассматривает весь мир в качестве сложного механизма, которым можно управлять. Трансгуманизм переносит этот подход на человека. Взгляд на человека как на сложный механизм, машину возник ещё в Новое время. Но если тогда эта идея не являлась массово распространённой, то к настоящему времени она становится одной из общепризнанных.

Трансгуманизм - это преломление идей технологизма в сфере антропологии

Особенность трансгуманизма заключается в том, что он готов реализовать этот взгляд на практике. Как механизм человек несовершенен, значит, его

необходимо усовершенствовать – в этом главный посыл трансгуманизма, вытекающий из философских оснований технологизма. Фактором, который долгое время сдерживал воплощения этого подхода к человеку, было христианское представление о душе и свободе воли как о том, что отличает человека от природы и ставит его выше остального биологического мира. Однако процесс постепенного вытеснения христианства из общества и культуры (секуляризация) привёл к тому, что душа и воля человека стали восприниматься как слова-анахронизмы, которые можно без потери смысла заменить понятиями «сознание», «интеллект» и «свобода выбора».

6.2. Техническое развитие происходит не во благо человека, а как апология технологизма. Исторически апологеты научно-технического развития проповедовали мысль о том, что целью развития науки является улучшение человеческой жизни, что наука в конечном итоге должна освободить людей от необходимости трудиться «в поте лица». Таким образом, технологизм эксплуатировал религиозное по своему происхождению стремление людей к «золотому веку» и возвращению в райское состояние. Однако, несмотря на огромный скачок человеческого общества в развитии технологий, обещание построить рай на земле так и не было исполнено. Развитие технологий не решает проблемы человечества, но позволяет отодвинуть их решение на неопределённый срок. При этом технологии всё в меньшей степени работают на человека, а человек всё в большей степени работает на технологии. Парадоксальным образом человек, объявленный гуманизмом и трансгуманизмом предметом поклонения, идолом и главной целью, автоматически стал превращаться – как никогда прежде в истории – в обыкновенное средство, в материал и технологию социального инжиниринга. Трансгуманизм рассматривает человека и технологию как два слагаемых, которые должны привести к желаемому результату – к трансчеловеку.

Идеология технологизма не работает и никогда по-настоящему не работала для человека, она работает сама на себя. Технология – это эквивалент денег и форма власти.

6.3. Трансгуманизм создаёт собственную утопию. Утопия – это конечное и совершенное состояние человеческого общества, в котором невозможно какое-либо дальнейшее развитие, «рай на земле». В истории человеческой мысли от античности до наших дней известно множество утопических социальных проектов. Каждый из них по своей сути был технологичным, то

есть стремился сконструировать свой образ земного «рая», опираясь на технологии, будь то технологии социального проектирования или технологии, основанные на естественно-научных знаниях. Идеология трансгуманизма опирается на естественно-научную утопию, предполагающую достижение такого уровня научного развития, который позволит исполнить все чаяния и решить все возможные проблемы человека.

Утопия трансгуманизма поглощена футуристическими фантазиями на тему приобретения человеком сверхспособностей, картинами неограниченной власти человека над природой

Утопическое сознание – это форма квазирелигиозного сознания в эпоху секулярности и постсекулярности. Цель традиционной религии – достижение райского состояния, которое возможно лишь в инобытии, в трансценденции; цель квазирелигии – построение утопии на Земле, в имманентном мире. В религиозном вероучении описание внешнего вида рая всегда имеет второстепенное значение, на первом же месте стоит констатирование высокого, желаемого нравственного и духовного состояния, которое приобретает человек в раю. То есть рай в традиционной религии – это не столько место, сколько совершенное нравственное состояние, приносящее человеку совершенную радость. Утопия трансгуманизма, создавая свой образ «рая», напротив, почти ничего не говорит о состоянии человека. Она всецело поглощена футуристическими фантазиями на тему приобретения человеком сверхспособностей, различными картинами неограниченной власти человека над своей собственной природой. Через образ трансгуманистического сверхчеловека транслируется лишь настроение гордости и власти, однако никак не описывается то, в каком эмоционально-духовном состоянии будет пребывать «трансчеловек», когда воплотится трансгуманистическая утопия. Для утопического сознания это неважно. В этом отличие утопического сознания от религиозного.

Утопия, в отличие от религии, всегда устремлена не в вечность, а в настоящее. Поэтому сегодня рассмотрение реальных планов трансгуманизма, таких как запись человеческого сознания на электронные носители, экстракорпоральное рождение детей и преодоление процесса биологического старения, не имеет первостепенного значения. Принципиальная достижимость или недостижимость этих целей в будущем не имеет значения в настоящем. Однако утопический дискурс, который

конструируется в процессе этих обсуждений, направлен на формирование мировоззрения и новой этики ныне живущих людей и общества в целом. Не конкретные планы, а этические подходы трансгуманизма требуют сегодня рассмотрения.

6.4. Утопия трансгуманизма (технологическая сингулярность) ведёт к деградации культуры – состоянию «посткультуры». Культура – это всё, что когда-либо было сотворено человеком, это та часть окружающего природного мира, которая была им изменена для улучшения условий жизни и приложения его творческих сил. Культура – это и есть сам человек, результат его деятельности, его ненаследственная память. Всё, что существует в мире, относится к одной из двух больших категорий: культура и не-культура (природа). На протяжении человеческой истории первая область постоянно расширялась, а вторая – сокращалась. Технология, тоже элемент культуры, создаёт новый космос, новый мир, через неё человек пытается уподобиться Богу.

Движение от природы к культуре, не ограничиваемое религиозной этикой, неизбежно ведёт к стремлению операторов культуры полностью заменить природу культурой, создать новую природу. Отсюда возникает цель технологизма – технологическая сингулярность, то есть обретение человеком абсолютной власти над природой. Технологическая сингулярность – это апогей культуры, но это и её конец, поскольку культура как таковая имеет смысл и может существовать только в противопоставлении естественной, природной части мира. Достижение технологической сингулярности означает переход в состояние посткультуры, когда вся природа станет культурой, то есть некой новой искусственной природой. Искусство, наука и религия перестанут существовать. Человек окажется в состоянии, которое полностью тождественно с до- и внекультурным, поскольку не будет никаких внешних и внутренних ограничений, которые его бы сдерживали. Это состояние «новой дикости», то есть абсолютной, животной «свободы», тождественной полной несвободе. Оно означает отмену всех табу – любых нравственных запретов и предписаний, которые составляют сердцевину любой культуры. Человек не может существовать без культуры, так же как культура не может существовать без человека, поэтому посткультура (конец культуры) означает конец самого человека – его переход в состояние технократического животного, постчеловека.

Технологическая сингулярность – это состояние после конца истории, в котором существование человека, природы и культуры становится невозможным и бессмысленным, поскольку человек в этом состоянии перестаёт быть человеком.

6.5. Технологизм подменяет собой смысл жизни. Мечта о продлении жизни (в пределе – мечта о бессмертии) является одним из центральных положений технологизма и трансгуманизма. Это положение логично вытекает из господствующего в современном обществе представления о смысле человеческой жизни. Оно состоит в том, что главный смысл человеческого существования – это стремление к земному счастью. Продление жизни даёт больше возможностей для реализации этого устремления, продлевает гедонистические поиски. Но счастье не может быть вполне достигнуто тем, кто ставит его себе в качестве главной цели, оно не фиксируется в состоянии обладания и потому неуловимо. Именно скоротечность жизни всегда являлась тем, что останавливало человека в его погоне за миражами земного счастья и обращало его взор к вечности, возводя понимание счастья на качественно новый высокий уровень.

Возможность значительного продления человеческой жизни ведёт к тому, что само это продление становится наиболее важным смыслом жизни. Оно позволяет человеку откладывать решение метафизических, религиозных вопросов на более поздний срок. Таким образом, из жизни человека максимально устраняется возможность нематериалистического целеполагания. Продление жизни заменяет собой метафизику, вытесняет всякую мысль о вечном.

Технологизм (включая трансгуманизм) даёт свою трактовку вечной жизни, главной проблеме мировой культуры. Он обещает людям вечную жизнь в этом имманентном мире, но только в далёком будущем.

Обожествление технологии трансгуманизмом приводит к тому, что главной целью человеческой истории становится технологическое развитие

Человеку предлагается верить во всемогущество технологии так же, как он верил во всемогущество Божие. В традиционных религиях вечная жизнь даруется человеку Богом, в имманентистской «религии» трансгуманизма

вечную жизнь должны обеспечить технологии. Трансгуманизм фактически обожествляет технологии, и технологическое развитие становится главной целью для человеческой истории.

Однако люди не могут и не смогут получить равный доступ к технологиям. Те, кто обладают властью и деньгами, неизбежно окажутся на более высокой ступени технологической иерархии, получив более полный доступ к технологиям. Таким образом, даже не давая людям реального бессмертия, но лишь насаждая веру в него, технологизм движется к тому, чтобы оформиться в своеобразную гностическую религию со своими ступенями посвящения.

6.6. Технологизм становится носителем новой этики, подменяющей собой традиционную этику. Формируя новые цели и смыслы человеческой жизни взамен традиционных, технология сама из средства становится целью. Она создаёт новую этическую систему, главный принцип которой – «хорошо то, что способствует технологическому развитию». Технология заменяет собой нравственность: более высокий технологический уровень – это «хорошо», более низкий – «плохо». Прочие критерии оценки предмета или явления объявляются вторичными или ложными (не приносящими «пользы»). В соответствии с этикой технологизма человек не обязан делать нравственный выбор, преодолевать собственные слабости в себе самом, стремиться возвыситься духом. Главный принцип этики технологизма – «подчинись технологии, и она даст тебе власть над миром». Технологизм – это порождение человеческой воли к могуществу, однако этика технологизма уводит человека в противоположную сторону, к слабости и полной зависимости от внешних условий. Технологизм приглашает человека жить по инстинкту – «я должен любой ценой получить то, что хочу». Это ведёт к разрушению в человеке образа и подобия Бога: человек лишается свободы воли и становится подобен машине, которая обрабатывает определённые вводные данные (потребности), а затем выдаёт запрограммированный, заранее известный результат. В трансгуманизме человек становится машиной не столько в результате биотехнологических модификаций своего тела и своей природы, сколько через отказ от своей свободной воли путём передачи её «на внешнее управление», то есть в ведение механизмов и технологий. Термины «человек-машина», «трансчеловек» означают главным образом нравственное состояние человека, а не его внешний облик.

6.7. Технологизм ведёт к «дурной бесконечности», обрекает человека на

жизнь в мире фантомов. Технологизм устремлён в будущее, к утопии, к технологической сингулярности. В картине мира, которую он создаёт, каждое «сегодня» оказывается лучше, чем «вчера», а каждое «завтра» – лучше, чем «сегодня». Человек, принявший это мировоззрение, оказывается в состоянии погони за ускользающим завтрашним днём, но без реальной возможности когда-нибудь его достигнуть. Для усовершенствования технических устройств и человеческого тела нет запланированных сроков, они могут производиться сколь угодно долго. Участникам гонки за техническим прогрессом это даёт смысл жизни, а тем, кто организует этот процесс создания и внедрения научно-технических усовершенствований, – власть над общественными настроениями. Однако если смысл жизни, обретаемый первыми, иллюзорен и преходящ, то власть вторых реальна.

В обществе прогресса «несовременность» и, как следствие, маргинализация равнозначны социальной и физической смерти. При этом человеку сложно отказаться от участия в погоне за призраком прогресса, потому что он боится поставить себя вне общества; маргинализация представляет для современного человека реальную угрозу. Человек оказывается загнанным в рамки дурной бесконечности, из которых сложно вырваться. Между тем религиозная идея о благой бесконечности, бесконечности любви, выводится технологизмом за рамки современной культуры.

Идея любви выводится технологизмом за рамки современной культуры

Возвеличивая идею прогресса, технологизм опирается на религиозную сферу человеческого сознания. В соответствии с религиозным восприятием жизни человек также никогда не стоит на месте, всегда пребывает в движении – к Богу или от него. Но религиозное движение разворачивается не во внешнем мире – от менее совершенного предмета к более совершенному, а внутри самого человека, в глубине его души. Делая тот или иной нравственный выбор, человек или приближается к Богу, или отдаляется от Него. В этом движении не может быть остановки или нейтральной, пограничной позиции (ноля, состояния покоя): всё, что нравственно, не продвигает человека вперёд, а отбрасывает его назад.

Технологизм подменяет нравственный выбор выбором технологическим. Исключая нравственные категории, он предлагает человеку выбирать не

между добром и злом, а между несколькими техническими устройствами. Технологизм даёт обществу иллюзию свободы, но отнимает свободу подлинную. С христианской точки зрения, человек, у которого есть технологический выбор, но нет выбора нравственного, удаляется от Бога, утрачивает возможность спасения. Возможное продление жизни с помощью технических средств лишь усугубляет ситуацию. Оно даёт человеку возможность откладывать решение вопроса о своём онтологическом предназначении, о подлинном смысле своего существования. Технологизм разрушает вечное (духовное, этическое) начало в человеке, подменяя его на сиюминутным. Человек оказывается поработщённым потоком времени, и у него не остаётся времени для вечности.

7. Трансгуманизм и нравственный выбор

7.1. Трансгуманизм уходит от понятия нормы, идеала. Понятие современности в его нынешнем значении сформировалось в эпохи Возрождения и Просвещения. Сейчас современностью принято называть то, что противоположно традиции.

Со времён просвещения слово «современный» обрело положительный смысл, тогда как «традиционный» - стало синонимом отсталого

Всё традиционное понимается как устаревшее, отжившее свой век, принадлежащее исключительно прошлому. Термин «современность» (Modernity) был введён идеологами Возрождения в значении исторического периода в системе трёхчастного деления истории. Предшествующие «современности» исторические эпохи получили названия древности («античности») и Средневековья. Их прогрессистский взгляд на историю как на движение от плохого к хорошему привёл к тому, что понятие «современный» из хронологического понятия превратилось в оценочно-идеологическое. В результате слова «современность», «современный» обрели выраженное положительное значение, в котором используются вплоть до настоящего времени. В то же время слова «традиционный», «старый», «средневековый» стали синонимами плохого, скучного, отсталого. Любой предмет или явление, чтобы получить право на жизнь, должен соответствовать определению «современный». В современном обществе считается, что любой исторический артефакт должен быть осовременен, «возвращён к жизни», чтобы его можно было вновь представить публике.

Такое прославление «современного» и «современности» тесно связано с прогрессистско-революционным пониманием истории, утвердившимся в Новое время. Оно означает, что каждая последующая историческая эпоха должна отрицать предыдущую и рассматриваться в качестве более совершенной. С точки зрения этой историософии, идеал и норма – это то, что находится в будущем. Идеал с точки зрения «современной» культуры – это состояние утопии, посткультуры, а всё, что ему предшествует, является не более чем прелюдией, приготовлением к нему. Следовательно, и идеал, и норма – это то, чего нет в настоящем и что не может быть реализовано в настоящем.

Представление об утопическом будущем на протяжении всей эпохи «современности» постоянно менялось, и в конечном итоге это привело к утрате доверия ко всем идеалам вообще, к ситуации ценностного плюрализма, которая характерна для постмодерна. Сам плюрализм норм, ценностей, идеалов был провозглашён одной из высших ценностей. Это нигилистический подход, равнозначный отказу от ценностей вообще. Но именно на нём зиждется теория и практика трансгуманизма. Трансгуманизм использует проверенный временем метод «современности» – революцию, отрицает традицию во имя утопии. Идеология трансгуманизма начинается с отрицания религиозных, вневременных ценностей, а заканчивается отрицанием самого человека.

Трансгуманизм использует проверенный метод «современности» - революцию, то есть метод отказа от традиции в пользу утопии

Традиционный подход не приемлет революционного отношения к истории, выступает за преемственность между историко-культурными эпохами. Традиция – это не то, что относится исключительно к прошлому. Ключевым для понимания традиции является положение о том, что понятия нормы, ценности, идеала не связаны с какой-либо исторической эпохой, с будущим или прошлым. Ценности не лежат в хронологической плоскости, но относятся к вечности. С точки зрения традиции, словосочетания «новые ценности», «новый человек», «постчеловек» – это примеры оксюморона. Ценности не могут меняться, они всегда самотождественны. Меняется лишь степень соответствия им человека и общества. Утверждение «новых ценностей», «новой этики» означает отрицание традиционных, вечных ценностей, то есть отрицание норм и ценностей как таковых.

7.2. Трансгуманизм исходит из того, что человек обладает совершенной нравственной природой. Трансгуманистический взгляд на человека своими корнями уходит к истокам Нового времени и тесно связан с утверждением секулярной антропологии. Такая антропология рассматривает человека в качестве вполне совершенного творения природы. Этот взгляд исходит из того, что каждый человек имеет внутреннюю «склонность к добру», которая позволяет ему безошибочно принимать правильные, нравственно-выверенные решения. Иными словами, секулярная этика апеллирует к человеку как к высшему нравственному авторитету.

Безнравственные поступки, которые совершают люди, и зло, объективно существующее в мире, объясняются несовершенством общественных законов, бедностью, необразованностью, технологическим отставанием и другими исключительно внешними факторами, которые, как считается, могут быть устранены. С этой точки зрения, чтобы устранить нравственные недостатки человека и дать возможность проявиться его внутренней красоте, следует сначала устранить несовершенства окружающего мира. И когда мир станет так же совершенен, как человек, считается, что они придут в абсолютно гармоничное, «райское» состояние. Трансгуманизм развивает эту мысль и применяет её к природе человека, обещая с помощью науки (внешнего фактора) усовершенствовать и сделать идеальными его физические, ментальные и «духовные»¹ способности.

Этот подход выглядит логичным, при этом он полностью игнорирует фактор человеческой свободы. Не изменение мира должно менять человека, а человек должен менять мир, принимая нравственное решение, реализуя тем самым свою свободу. Христианство доносит эту истину через ветхозаветный сюжет о грехопадении. Через отход человека от нравственности зло вошло в мир, и мир стал несовершенен так же, как несовершенным, смертным стало человеческое тело. Секулярное сознание не просто игнорирует эту истину, но обращает её в противоположность. От нравственного выбора человека перестаёт что-либо зависеть. Тем самым секулярные идеологии Нового времени лишают человека выбора, то есть свободы. При этом только свободный нравственный выбор может приблизить человека и мир к райскому состоянию: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся».

7.3. Обещание вечной жизни на Земле ведёт к усилению духовного и культурного кризиса. Трансгуманизм даёт человеку надежду на достижение

вечной жизни на земле. Увеличение продолжительности жизни выводится на первое место в ценностной иерархии общества. Это усиливает эгоцентрические тенденции в обществе, приводит к девальвации культурных, семейных, духовных ценностей. Осознание конечности земной жизни является для человека одним из важнейших побудительных мотивов в его творчестве, в стремлении оставить что-то после себя. Вера в возможности науки продлевать физическое существование, в возможность человека несколько раз начинать жизнь заново и проживать «несколько» жизней и судеб наносит удар по межличностным отношениям, по семье как социальному институту. Это ведёт к сокращению воспроизводства населения. Научная и культурная деятельность, не связанная с биотехнологиями, лишается творческого потенциала. Дисбаланс в культуре негативно отражается на экономических процессах.

Вера в любую утопию однажды сталкивается с кризисом, разрушающим эту утопию. Сегодня идеология трансгуманизма находится на завершающей стадии формирования и готовится выйти в открытое информационное пространство, завоевать сторонников. После своего широкого распространения, если оно произойдёт, идеи трансгуманизма потеряют силу и эмоциональную привлекательность. Наступит разочарование, новое ощущение исторического тупика, подобное тому, которое возобладало на исходе советской эпохи, когда отсутствие перспектив коммунистического пути развития стало очевидным для большинства населения. Этот идеологический эксперимент может оставить после себя плачевные результаты.

7.4. Перспектива неограниченно долгого существования обесценит человеческую жизнь.

Для человека с традиционным религиозным мировоззрением характерно особое отношение к жизни. Оно сочетает в себе стремление проживать каждый день с осознанием того, что этот день может стать последним. Но это не мешает человеку с таким мировоззрением строить долгосрочные планы на месяцы, годы и десятилетия вперёд, поскольку он уверен в том, что его жизни не закончится со смертью его тела. Все его дела не окажутся бессмысленными, даже если не будут доведены до конца при жизни, потому что важны не только материальные, но и духовные их последствия, мотивы принимаемых решений и совершаемых поступков.

Трансгуманизм, объявляя целью создание условий для бесконечной земной жизни (бессмертия), меняет саму концепцию жизнь. Если в традиционном обществе жизнь – категория, относящаяся к бесконечности, то в трансгуманизме жизнь становится исключительно имманентной (земной, временной) категорией. Даже идея о бесконечной земной жизни не отменяет того, что эту жизнь можно остановить, оборвать. Кроме того, гуманизм и трансгуманизм отстаивают право человека полностью распоряжаться своей жизнью – как право на «бессмертие», так и право на самоубийство или эвтаназию, что ещё раз свидетельствует о их трактовке жизни как процесса, имеющего онтологический конец.

В этом смысле трансгуманизм (как и любое другое материалистическое учение) игнорирует религиозный смысл жизни как процесса, выходящего за границы земного существования человека, и тем самым сужает феномен человеческой жизни, делает из вечного явления конечное и временное. Это ведёт к обесцениванию человеческой жизни. Одно из первых наглядных следствий этого – отстаивание в современных гуманистических обществах права человека на прекращение собственной жизни. При этом имеется в виду право распоряжаться не только жизнью земной, но и жизнью онтологической. Для сравнения: в христианстве человек не может распоряжаться своей жизнью.

7.5. Одно из направлений трансгуманизма – нейтрализация критики в свой адрес со стороны Церкви. Идеология трансгуманизма стремится к легитимации со стороны государства, общественных институтов и религиозных организаций. Православная Церковь также подвергается информационно-пропагандистскому воздействию с целью изменения её позиции по отношению к трансгуманизму с непримиримой на более снисходительную и либеральную.

Ряд ультралиберальных теологов и общественных деятелей продвигают идею о том, что Церкви, для того чтобы сохранять своё влияние, необходимо поддерживать трансгуманистические идеи, примирять их с христианским богословием, оправдывать их. Звучат также идеи, что Церковь может стать полноправным участником трансгуманистического движения и чуть ли не возглавить его, направляя в «правильное русло».

Большая часть тезисов, которые выдвигаются лоббистами трансгуманизма в

церковной среде, опирается на искажённые толкования вероучения и демагогические приёмы. Среди прочего утверждается следующее:

- человек – часть природы, а значит вмешательство человека в природу – это естественный механизм её саморегуляции;
- человек должен изменять и улучшать своё тело, потому что это творческий процесс, а творчество – это то, к чему человек призван Богом;
- Церковь должна принять тот факт, что развитие медицины уже нарушило естественный отбор, и без искусственного отбора человечество теперь не выживет;
- чтобы добиться увеличения продолжительности жизни, человечество неизбежно должно принять идеологию трансгуманизма, поэтому Церковь должна благословить трансгуманизм и морально его оправдать;
- приближение к божественному всегда означает отказ от своего пола, поэтому монашество – это то же самое, что и трансгендерность; и др.

При этом игнорируется тот факт, что Церковь – это не общественно-политическая организация, а религия – это не разновидность идеологии, а то, что сохраняет вечные истины и ведёт человека к Богу.

Конечная цель подобных тезисов состоит не в том, чтобы Церковь смогла повлиять на идеологию трансгуманизма и тем самым предотвратить возникновение его наиболее радикальных и общественно опасных форм. Их настоящая задача – растабуирование и легализация всего спектра трансгуманистических вопросов внутри Церкви, формирование в Церкви лагерей «за» и «против» трансгуманизма.

Церковь – это не общественно-политическая организация, а религия – это не разновидность идеологии

Это со временем должно нейтрализовать Церковь как одного из сильнейших идейных противников трансгуманистической идеологии в современном обществе. Какой бы критике ни подвергалась Церковь, она сохраняет своё значение и влияние в обществе не путём приспособления к различным идеологиям, а путём выполнения своей главной функции – свидетельства о Боге и вечных ценностях.

7.6. Стремление отгородиться от явлений трансгуманизма через «новое катакомбничество» – это путь к поражению традиции. Среди противников трансгуманизма, придерживающихся традиционного религиозного мировоззрения, к которым относятся как миряне, так и духовенство, оформляются две точки зрения на то, как реагировать на антропологические вызовы современности. Одни открыто принимают вызов трансгуманизма и готовы публично с ним бороться. Другие – призывают не вступать в открытое противостояние с этой агрессивной секулярной идеологией и объявляют о своей готовности отгородить себя от мира, уйти в катакомбы (в переносном и прямом смысле), чтобы сохранить себя и свою веру.

Сторонники новых катакомб считают, что люди, приверженные традиции, не могут не только примириться с трансгуманизмом, но и без ущерба для себя существовать в обществе, где доминирует трансгуманистическая идеология. Их мысль заключается в том, что эта разрушительная для традиционной нравственности идеология подобна инфекции или вирусу, и лучший способ обезопасить себя от неё – изолироваться. Они указывают на всё возрастающую греховность мира и призывают сторонников традиционных ценностей максимально устраниваться от всех мирских процессов. Представляется, что самоизоляция – это экстренный и крайний выбор, который совершается в момент наивысшей опасности. Однако самоизоляция в начале борьбы это не решение проблемы, а признание победы своих оппонентов, признание себя проигравшей стороной.

Сознанию сторонников раннего ухода в «катакомбы» присущи две характерные черты – эсхатологизм и аксиологический дуализм. Аксиологический дуализм – это разделение окружающего мира на «чёрное» и «белое», добро и зло, без каких-либо полутонов. С этой точки зрения каждый, кто не осуждает трансгуманизм в самых категоричных выражениях и не избегает всякого контакта со сторонниками этой идеологии, сам объявляется трансгуманистом, потворщиком зла. Эсхатологизм изоляционистов выражается в присутствии у них ощущения того, что зло всё больше заполняет собой мир. И это ощущение напрямую сопряжено с ожиданием скорой и полной победы зла над добром. В конечном итоге именно стремление к самоизоляции становится для них главной целью. Под огонь критики тех людей, которым присуще такое мировоззрение, чаще всего попадают не прямые идеологические оппоненты, а те, кто не

разделяет их методов борьбы, не стремится к самоизоляции. Таким образом, призыв отгородиться от мира, «уйти в катакомбы» оказывается не только стратегией стороны, заранее признающей своё поражение, но и методом, ведущим к расколу в среде оппонентов идеологии трансгуманизма. Это стратегия и метод, которые ведут к поражению.

7.7. Историческое развитие человечества в направлении трансгуманизма нельзя считать предрешённым. Появление трансгуманизма является следствием не научно-технического прогресса, а эволюции идеологии гуманизма и Просвещения. Не научно-технический прогресс определяет идеологию, но идеология задаёт направление научно-техническому развитию. Поэтому выбор между трансгуманизмом и традиционными ценностями – это не выбор между развитием и стагнацией, между прошлым и будущим. Это нравственный выбор.

Нравственность – это сфера, которая находится вне времени и исторического процесса. Это сфера вечных и универсальных ценностей, поэтому она в равной степени актуальна и несёт одинаковый смысл в любой исторический период.

Так же как каждый человек в любой момент времени может отказаться от следования по ложному пути, так и всё общество может в любой момент истории отказаться от следования по пути саморазрушения.

Нравственность – это сфера, которая находится вне времени

Выбор пути развития – это не вопрос исторической обусловленности, а вопрос нравственного выбора, который совершается человеком непрерывно, в каждую секунду его жизни, на протяжении всей жизни и всей истории человечества. Свобода совершать нравственный выбор – это то, что онтологически присуще человеку, в какое бы состояние его ни привели ошибки прошлого. По этой причине, пока продолжается история, невозможно полностью предотвратить угрозу трансгуманизма или любых других деструктивных идей, но и нельзя объявить окончательной их победу.

7.8. Право на будущее получит тот, кто сможет сохранить ядро своей традиционной культуры. История неоднократно демонстрировала примеры того, как народы, занимавшие место в авангарде экономического и научно-технического развития человечества, уступали своё место на исторической

сцене более примитивным в культурном и военном отношениях этносам. Многие великие страны-цивилизации под натиском своих «варварских» соседей ушли в прошлое, оставив после себя лишь архитектурные памятники и археологические артефакты. В то же время другие страны, несмотря на иноземные завоевания, природные катаклизмы, великие переселения и научно-технические революции, смогли сохранить свой язык и свою культуру. Причина этого не в том, что они обладали какими-то техническими секретами, о которых не знали их соседи, а в том, что система их общественного устройства оказалась устойчивой к воздействию внутренних и внешних дестабилизирующих факторов.

Ядром социальной организации народа является его традиция. Традиция включает в себя религиозные, культурные и нравственные нормы народа. Она является тем, что позволяет ему делать нравственный выбор в каждый момент времени и сохранять таким образом прочность своей культуры. Традиция и нравственность – это смыслообразующие феномены человеческого существования, выходящие за границы истории. Экономическое, научно-техническое, политическое и военное развитие – это всегда только средства, временный и побочный продукт исторического развития народа. Народ, сохраняющий свою традицию, то есть незыблемые нравственные нормы, может усвоить и использовать чужие технологии для своих целей, тогда как народ, утративший своё культурное ядро, в скором времени перестанет существовать.

Традиция и нравственность – это смыслообразующие феномены человеческого существования

Главным конкурентным преимуществом любого народа в новых агрессивных информационных условиях современного мира является в первую очередь его способность сохранить свою традицию, свою религиозную культуру и свои традиционные нравственные нормы и только во вторую – обладание техническими и социальными технологиями.

8. Продвижение ЛГБТ как главное практическое направление трансгуманизма на современном этапе

8.1. Главным идеологическим направлением трансгуманизма в современном обществе, реализующим его установки на практике, стал постгендеризм. Это

набор идей, которые трактуют принадлежность человека к одному из двух полов как недостаток всего биологического вида, препятствующий его дальнейшей «эволюции». Постгендеризм как часть трансгуманизма предлагает ликвидировать традиционное понятие о поле в три этапа.

Первый этап – это вытеснение из общественного сознания пола как биологического понятия и замещение его «психологическим полом», «гендером». На этом этапе происходит легитимация гомосексуализма и транссексуализма.

Второй этап – введение в общественный дискурс утверждения о возможности существования ещё одного, третьего, неопределённого пола или нескольких дополнительных полов. Тем самым из понятия пола (мужского и женского) устраняется его традиционное социальное значение для каждого человека.

На третьем этапе принадлежность к какому-либо биологическому или искусственному полу либо полностью стирается, либо теряет всякое значение, становится одним из множества малосущественных атрибутов личной идентичности.

Успех или поражение постгендеризма определяются тем, насколько далеко зашёл разрыв общества с традиционной культурой и традиционными нравственными ценностями

Постгендеризм (как и трансгуманизм) действует в просвещенческой парадигме и развивается за счёт последовательного отрицания, разложения традиционных ценностей. Успех или поражение постгендеризма в каждой отдельной стране во многом определяется тем, насколько далеко зашёл разрыв местного общества с традиционной культурой и традиционными нравственными ценностями. Свою роль здесь также играет уровень интеграции страны в проект либерально-гуманистической глобализации.

Главной составляющей частью постгендеризма на современном этапе является движение ЛГБТ.

Продвижение идеологических позиций ЛГБТ в странах, придерживающихся традиционных ценностей, является первичной задачей, которую используют идеологи трансгуманизма для укрепления своих позиций в современном

обществе.

ЧАСТЬ II

Направления и методы пропагандистской работы международного движения ЛГБТ в России

9. Религиозная сфера

9.1. В странах Запада в целях корректировки общественного мнения относительно публичной деятельности организаций сексуальных меньшинств (далее – ЛГБТ; ЛГБТ – акроним, возникший для общего обозначения «лесбиянок», «геев», «бисексуалов», «трансгендеров» и носителей иных «гендерных идентичностей») была использована концепция толерантности. После широкой «нормализации» гомосексуального образа жизни, законодательного закрепления пакета особых прав представителей сексуальных меньшинств и начала борьбы с проявлениями «гомофобии» с помощью разных инструментов государственного принуждения проблема толерантности к представителям движения ЛГБТ потеряла свою остроту.

В большинстве государств Азии, Африки, Ближнего Востока, Центральной и Южной Америк гомосексуальные контакты по-прежнему приравниваются к преступлению.

В России, КНР и ряде других стран, отстаивающих традиционные ценности, объём прав представителей ЛГБТ не соответствует западным стандартам. Во многом это связано с низкой эффективностью пропаганды идей толерантности, обусловленной их априори негативным восприятием консервативно настроенным обществом этих стран.

С учётом этого международное ЛГБТ-сообщество в 2010–2014 годах начало смещать акценты в своей информационно-пропагандистской работе в незападных странах (включая Россию), перейдя от прямой и навязчивой рекламы, формирующей позитивное общественное мнение в отношении ЛГБТ, к постепенной легализации темы ЛГБТ в конкретных областях жизни общества, в том числе в сфере религии и догматики.

Такой путь прежде уже был успешно проделан в США, Польше и других странах с сильными традиционалистскими настроениями. Так, консервативно настроенное протестантское большинство американцев последовательно

сопротивлялось продвижению «Демократической партией» и другими структурами, поддерживающими ЛГБТ, требований «политкорректности» в религиозную сферу. Однако системная пропаганда ЛГБТ, поддерживаемая государством, привела к росту терпимости по отношению к сексуальным меньшинствам, очевидным образом связанному с «раскрепощением»³, стимулирующим ослабление позиций христианства в этой стране.

Если в 2001 году 57% американцев осуждали ЛГБТ и только 35% поддерживали их, то к 2015 году это соотношение изменилось: 39% против 55%. При этом с 1990 года доля считающих себя христианами сократилась в структуре населения США на 15% (с 86% до 71% в 2015 году).

Схожие процессы наблюдаются в католической Польше: в 2005 году к ЛГБТ терпимо относились лишь 12% поляков, а к 2013 году – уже 57%.

Ключевым в этом направлении стал постулат о том, что гомосексуализм якобы ошибочно осуждается мировыми религиями и, следовательно, совместим с традиционными ценностями.

В настоящее время движение ЛГБТ поддерживается многими либеральными протестантскими организациями

На Западе с 1968 года действует ориентированное на «нормализацию» гомосексуализма в христианстве Всемирное содружество метропольных общинных церквей (конгрегационалистская организация, насчитывающая около 250 общин в 23 странах мира, известная созданием ЛГБТ-версии Библии).

Последовательная работа «квир-богословов» (от англ. queer – странный, необычный, гомосексуальный) привела к тому, что в настоящее время сексуальные меньшинства (однополый брак и даже рукоположение гомосексуалистов) поддерживаются многими либеральными протестантскими организациями – лютеранскими церквями Дании, Исландии, Италии, Нидерландов, Норвегии, Финляндии, ФРГ, Швеции, Шотландии, США и Канады, кальвинистскими церквями США и Канады, кельтской церковью в Германии, а также англиканской церковью США.

С 2013 года наблюдается и значительное смягчение публичной риторики Римско-католической церкви (РКЦ) по этому вопросу. В частности, растёт

число случаев, когда высшее католическое духовенство призывает к толерантности по отношению ко всем сексуальным меньшинствам.

В России «квир-богословы» действуют с 2000 года и практически себя не проявляли до Олимпийских игр в Сочи, когда масштабная антироссийская информационно-пропагандистская кампания сексуальных меньшинств потерпела ряд неудач. Однако международное ЛГБТ-сообщество скорректировало свою информационную политику.

9.2. Уже в сентябре 2014 года в Самаре прошёл VII съезд международного форума ЛГБТ-христиан Восточной Европы и Центральной Азии (далее – Форум). Целью Форума, ведущего свою историю с 1982 года, является координация деятельности «квир-богословов» в Европе. Однако после распада СССР Форум переориентировался на постсоветское пространство. В настоящее время он объединяет более 40 религиозных групп более чем из 20 стран.

Ключевыми спонсорами проекта являются Еврокомиссия и Arcus Foundation (крупнейший частный фонд США, специализирующийся на поддержке ЛГБТ).

Несмотря на то, что первый Форум на российской территории состоялся в Санкт-Петербурге ещё в 2011 году, именно в Самаре международные спонсоры объявили о старте так называемой «менторской программы», включающей в себя финансовую и информационную поддержку, а также организационную помощь харизматичным лидерам «христианских» ЛГБТ-групп России и Европы. За каждым перспективным российским участником программы был закреплён иностранный наставник, имеющий опыт создания религиозной группы.

В качестве приоритетов деятельности таких групп определены:

- укрепление дисциплины, подчинение «прихожан» пастору;
- привлечение к сотрудничеству лидеров российских протестантских объединений;
- ориентация преимущественно на молодёжь;
- ведение на системной основе «разъяснительной» работы с родителями «прихожан»;
- оперативный обмен практикой взаимодействия с российскими органами власти;

- активное участие «прихожан» в реализации различных социальных программ для формирования в обществе позитивного восприятия ЛГБТ-молодёжи;
- максимально широкое освещение жизни группы в общественных медиа.

В 2015–2016 годах в Тарту и Кишинёве состоялись VIII и IX Форумы, отмеченные ростом числа приглашённых организаций и участников, усилением организационной и финансовой поддержки со стороны иностранных спонсоров.

Нововведением 2016 года на Форуме стало решение об усилении противодействия «гомофобной» политике Русской православной церкви, которая «превратилась в основной фактор сдерживания» «миссионерской» деятельности ЛГБТ в российском обществе». В связи с этим лидерам российского ЛГБТ-движения было предложено устанавливать доверительные отношения с православными священниками, формировать у них положительный образ сексуальных меньшинств, стремиться к налаживанию постоянного диалога с РПЦ.

Кроме того, присутствовавшие на указанных форумах «квир-богословы» анонсировали подготовку в 2017 году пропагандистских материалов, ориентированных на православных россиян и полемизирующих с официальной позицией РПЦ. Учитывая возникшие противоречия между поместными православными Церквями, в июне 2016 года представители «православной рабочей группы» Форума обратились с открытым письмом к Святому и Великому собору Православной церкви (состоялся в июне 2016 года в Греции, не присутствовали Московский патриархат, а также три других поместных Церкви), призывая архиереев к «примирению сексуальной и религиозной идентичностей» и допущению открытых гомосексуалистов к причастию.

Очередной, X Форум прошёл в 2017 году в Бухаресте. Он был направлен на формирование «квир-христианских» дискурсов для транссексуалов, интерсексуалов и феминисток, а также на расширение так называемых «нарративных практик» для верующих представителей ЛГБТ, «нуждающихся в примирении своих религиозных взглядов и сексуальной ориентации». Фактически речь идёт о создании нового специального языка, состоящего из

эвфемизмов, для растабуирования ряда понятий и явлений, неприемлемых для общества.

Основным недостатком «просветительской деятельности» на российском направлении обозначено отсутствие конкретных результатов по формированию группы «сочувствующих» среди клириков РПЦ. Основной причиной неудач названа «гомофобная и авторитарная политика руководства» Церкви. Было запланировано повысить присутствие «квир-христиан» в русскоязычных СМИ и социальных сетях.

Кроме того, на съезде было принято решение о переходе Форума в ближайшие 2–3 года под управление Европейского форума ЛГБТ-христиан.

9.3. ЛГБТ-движение ищет пути распространения своего влияния на христианство, корректируя его ключевые сферы:

- догматическую (создание новых трактовок ключевых библейских сюжетов);
- историческую (формирование у целевой аудитории устойчивых ассоциаций между гонениями на раннехристианские общины в Римской империи и современными фактами притеснений представителей ЛГБТ-движения);
- символическую (интеграция символики ЛГБТ в церемониальные одежды тех, кто называет себя «квир-священниками», и в элементы их «служб»).

ЛГБТ-движение пытается исказить христианскую догматику

«Нормализация» ЛГБТ - линия раскола в западном протестантизме

9.4. Сильное давление западных государств на национальные церкви по вопросу «нормализации» гомосексуализма в религиозной сфере запустило процесс условного разделения протестантских церквей на консервативные и либеральные. Причём некоторые из них воспользовались государственной поддержкой для расширения своего влияния и сковывания миссионерской деятельности других церквей.

Например, вторая по величине протестантская деноминация в США «Лютеранская церковь – Миссурийский синод» (объединяет около 2,1 млн

верующих) за отказ в регистрации однополых браков потеряла государственное финансирование обучения студентов семинарий. Отмечаются систематические случаи ущемления прав пасторов, отрицающих возможность рукоположения гомосексуалистов и женщин.

Представители шведской конгрегации лестадианцев были уволены за неподчинение требованию властей г. Гётеборг разместить ЛГБТ-символы в помещениях школы. Община, к которой принадлежит и действующий премьер-министр Финляндии Ю. Сипиля, широко поддержала пострадавших.

Реакцией протестантов стран Скандинавии на «позитивную дискриминацию» можно назвать и формирование внутри государственных церквей, поддерживающих ЛГБТ, раскольнических консервативных движений, возглавляемых собственными епископами. В Финляндии такой группой стала «Миссионерская епархия», в Швеции – «Миссионерская провинция». В связи с тем, что официальные религиозные учебные заведения формируют у будущих пасторов однозначно положительное отношение к сексуальным меньшинствам, европейские протестантские организации начинают обращаться к единоверцам Восточной Европы и России и приглашают их консервативных священнослужителей возглавлять свои общины. Эта практика вызывает большое недовольство как органов государственной власти скандинавских стран, так и их государственных церквей, критикующих консервативных епископов, разрешающих подобные переводы.

9.5. В странах Запада существуют аналогичные проекты, ориентированные на мусульманскую аудиторию и базирующиеся на постулатах либеральных течений в исламе. Так, в США с 1998 года действует фонд «Аль-Фатиха» с отделениями в Канаде, Великобритании и ЮАР.

В 2013 году при участии этого фонда был основан «Мусульманский союз за сексуальное и гендерное разнообразие» (MASGD, США), нацеленный на «нормализацию» гомосексуализма среди мусульман. При участии его структурных подразделений в ряде европейских стран (Германия, Франция) уже открылись первые «мечети» для ЛГБТ.

Вместе с тем в связи с ростом популярности идеологии радикального ислама развитие таких инициатив весьма затруднено даже в Западной Европе и США, а в России и вовсе представляется маловероятным.

10. Спортивная сфера

10.1. ЛГБТ-спорт – отдельное ключевое направление деятельности сексуальных меньшинств, получившее активное развитие в России после Олимпийских игр в Сочи.

Так, сразу после Олимпиады в 2014 году в Москве состоялись «Первые российские открытые ЛГБТ-игры» (организатор – Федерация ЛГБТ-спорта России, созданная в 2011 году по образцу Международной федерации гей-игр (США). Задуманные как провокация в период проведения традиционных народных гуляний на Масленицу и на Прощёное воскресенье, игры прошли без происшествий на спортивных объектах посольства США в Москве.

С 2014 года Федерацией ЛГБТ-спорта России проведены:

- в Московском регионе: ЛГБТ-фестиваль «Со спортом вместе» (около 100 спортсменов из 10 субъектов Российской Федерации); первенство «Радужная лыжня»; бадминтонные турниры «Радужный волан» и «Кубок Елисея»; спортивно-туристические слёты «СЕЛиГеР»; волейбольные турниры «Кубок Матрёшки» и другие;
- в Санкт-Петербурге: зимний спортивный ЛГБТ-фестиваль «Раскрась зиму красками» (около 200 спортсменов из более чем 30 субъектов Российской Федерации); «Майский спортивный турнир»; «Зимфест» (более 80 спортсменов);
- в Приморском крае: ЛГБТ-фестиваль «Приморская радуга спорта»;
- в Омской области: «Сибирский спортивный футбольный фестиваль»;
- в Краснодарском крае: спортивно-туристические слёты «Черноморье».

Характерные для подобных мероприятий до 2014 года сопутствующие тренинги и лекции правозащитного характера, организовывавшиеся зарубежными спонсорами, в настоящее время сведены к минимуму, что также свидетельствует о корректировке основных принципов их проведения.

По замыслу организаторов, формат массовых соревнований, открытых для всех спортсменов нетрадиционной ориентации, также должен способствовать формированию позитивного восприятия российским городским населением ЛГБТ-сообщества как объединения лиц, выступающих за здоровый образ жизни.

10.2. Необходимо отметить и работу ЛГБТ по «профилактике расизма и гомофобии в спорте». В Евросоюзе с 1999 года действует сетевая структура Football Against Racism in Europe (FARE), созданная для мониторинга дискриминационных проявлений в европейском футболе, системной борьбы с ними и пропаганды идей толерантности среди футбольных болельщиков.

С момента своего создания сеть, включающая ЛГБТ-группы, организации футбольных болельщиков и различные правозащитные структуры, задействовались европейскими структурами в реализации большинства проектов по борьбе с расизмом и гомофобией в околоспортивной среде во всех странах Евросоюза. FARE, насчитывающая по состоянию на март 2018 года 150 организаций-участников в 40 европейских государствах, является постоянным партнёром FIFA, UEFA и получает финансовую поддержку Еврокомиссии.

Организации, входящие в сеть, активно работают во всех национальных чемпионатах европейских стран, пропагандируя терпимость к представителям всех меньшинств, включая сексуальные. Например, февраль 2018 года был объявлен «месяцем против гомофобии в футболе». Похожие акции прошли и в шести российских городах, принимающих матчи чемпионата мира по футболу FIFA 2018.

FARE также подала заявку в FIFA на официальное использование ЛГБТ-символики на играх чемпионата мира в России в 2018 году. А чтобы консервативно настроенные российские болельщики не смогли воспрепятствовать её демонстрации, FIFA наделила арбитров предстоящих матчей правом прервать или отменить игру в случае «расистских или иных проявлений нетерпимости», а также разработала методические рекомендации по их выявлению.

11. Правозащитная сфера

Общие направления и черты правозащитного трека ЛГБТ

11.1. ЛГБТ-сообщество традиционно проявляет высокую активность на правозащитном треке, инициативно участвуя в «антидискриминационных» проектах по всему миру.

Это участие обусловлено стремлением решить следующие задачи:

- Способствовать закреплению в международной правозащитной сфере идеологии, согласно которой «несвободные» («недемократические») страны всегда притесняют сексуальные меньшинства, а «свободные» («демократические»), напротив, их поддерживают; демократия невозможна без «разнообразия» и официального предоставления представителям ЛГБТ широких прав и свобод, призванных предотвратить любую возможность дискриминации.
- Содействовать внедрению тематики защиты прав сексуальных меньшинств в социальную деятельность крупных транснациональных компаний и международных организаций для получения целевой спонсорской помощи.
- Поддерживать в общественном мнении убежденность в том, что сексуальные меньшинства остаются наиболее дискриминируемой социальной группой современного мира и, следовательно, нуждаются в постоянной защите со стороны государства.

Российские ЛГБТ-активисты рассматривают правозащитную деятельность как факультативную, ориентированную на западную аудиторию

11.2. Российские ЛГБТ-активисты после корректировки своей информационно-пропагандистской политики в 2014 году де-факто рассматривают правозащитную деятельность как факультативную, ориентированную преимущественно на западную целевую аудиторию.

Её ключевой целью является формирование представления о России как о «тоталитарном государстве», где жизнь и свобода гомосексуалистов находятся «под постоянной угрозой».

При этом собственно в российском (русскоязычном) медиа-пространстве подобный контент практически не транслируется, так как не воспринимается российским обществом, в значительной степени придерживающимся традиционных ценностей.

Создание «гомофобного» имиджа у российского общества позволяет российским ЛГБТ-активистам рассчитывать на сохранение финансирования их деятельности со стороны международных правозащитных структур, а

также на возможность последующей эмиграции «жертв дискриминации» с предоставлением им политического убежища. В настоящее время «голубых политэмигрантов» наиболее охотно принимают Нидерланды, Швеция и Канада. Канада после громкого случая «притеснения чеченских геев» даже внесла соответствующие корректировки в национальное законодательство.

11.3. Лоббистская деятельность сексуальных меньшинств в рамках правозащитного направления ориентирована на расширение круга лиц, попадающих под определение понятия «беженец» за счёт «преследуемых на гендерной почве». Соответствующая позиция нашла своё отражение в последней редакции «Рекомендаций по международной защите», разосланных в декабре 2016 года партнёрским организациям Управлением Верховного комиссара по делам беженцев ООН.

11.4. В 2014–2017 годах российские ЛГБТ-структуры осуществляли следующие основные мероприятия в рамках правозащитной деятельности, большинство из которых имели невысокий охват и низкую популярность:

- одиночные пикеты и небольшие флешмобы, нацеленные на привлечение внимания иностранных журналистов («Неделя единых действий», «День молчания», «Радужный первомай», «Марш против ненависти», «Радужный флешмоб», «Неделя вместе»);
- тематические встречи для гомосексуалистов и сочувствующих («Радужные кофепития», «Кино вместе» и т.д.);
- непродолжительные выездные семинары правозащитного профиля («Летние молодёжные гендерные школы», «Летние пикники» и т.п.).

11.5. Вместе с этим особое внимание отводилось созданию и продвижению тематических закрытых групп в социальных сетях, а также качественных интернет-ресурсов, требующих предварительной регистрации. Это позволяет, с одной стороны, оставаться незамеченным в открытом медийном пространстве, избегать публичной критики и, с другой стороны, точно формировать целевую аудиторию.

11.6. Другим направлением правозащитной деятельности российских ЛГБТ-активистов являются сбор и документирование фактов дискриминации и жестокого обращения в отношении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации²⁶, осуществляемые преимущественно в интересах зарубежной

аудитории, а также подготовка в России юристов, специализирующихся на защите прав ЛГБТ.

Иностранные правозащитные программы в поддержку ЛГБТ действуют на территории более 30 российских регионов России

11.7. Такая работа поддерживается западными правозащитными структурами (например, Фондом равных прав и Министерством иностранных дел Великобритании, Фондом защиты прав человека Нидерландов, Американской ассоциацией юристов, Humans Rights Watch, Агентством США по международному развитию, Национальным демократическим институтом США, Фондом глобального равенства и другими организациями).

11.8. Крупнейшими российскими ЛГБТ-структурами, участвующими в иностранных правозащитных программах на территории более 30 российских регионов, являются «Российская ЛГБТ-сеть», «Выход», «Аверс» и «Ракурс».

Об активности этих организаций свидетельствует множество фактов. Так, в 2014–2017 годах состоялось 21 заседание совета «Российской ЛГБТ-сети», в ходе которых было рассмотрено не менее ста вопросов и принято более двухсот решений. Разработаны и приняты нормативные документы, в числе которых «Положение об индивидуальных участниках и сторонниках Российской ЛГБТ-сети», «Положение о коллективных участниках Российской ЛГБТ-сети», «Политика безопасности персональных данных», «Политика безопасности проведения публичных мероприятий и акций», «Политика безопасности помещений», «Политика информационной безопасности Российской ЛГБТ-сети».

Принят стратегический план межрегионального общественного движения «Российская ЛГБТ-сеть» на 2018–2020 годы, который предусматривает проведение регулярного мониторинга правонарушений и дискриминации по признакам сексуальной ориентации, гендерной идентичности и гендерного выражения. Предполагается предоставление «ресурсной, информационной консультационной и организационной поддержки трансгендерным людям, добивающимся признания государством их гендерной идентичности и гендерного выражения, а также тем, кто борется за восстановление своих нарушенных прав, и жертвам преступлений, мотивированных гомофобной и трансфобной ненавистью».

Предполагается также создание и развитие комьюнити-центров в регионах, содействие продвижению «вопросов гендерного и сексуального разнообразия» в профессиональных ассоциациях юристов, психологов, медицинских работников, в научных исследованиях и образовательных программах, а также оказание информационной, организационной и ресурсной поддержки по трудоустройству и самозанятости «сексуально и гендерно неконформных людей».

11.9. Собственно правозащитная работа подобных организаций в России (например, проект «Устранение дискриминации по любым признакам, включая сексуальную ориентацию», финансируемый Фондом равных прав Великобритании) предполагает:

- распространение информации среди целевой аудитории о западных стандартах в области «равенства и недискриминации»;
- квалификацию любых форм «гендерной дискриминации» как нарушение естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина;
- формирование группы российских юрисконсультов и адвокатов, специализирующихся исключительно на защите прав сексуальных меньшинств;
- создание электронных баз методических рекомендаций и образцов документов в сфере защиты прав и законных интересов ЛГБТ (например, в области коррекции пола, заключения однополых браков, усыновления и т.п.);
- создание тематических интернет-ресурсов, объединяющих правозащитников, для оказания бесплатной юридической онлайн-поддержки гомосексуалистам;
- формирование российской правоприменительной практики по вопросам, связанным с противодействием дискриминации сексуальных меньшинств;
- создание российской системы мониторинга в области «равенства и недискриминации» (разделение субъектов Российской Федерации на «гомофобные» и «относительно толерантные»);
- сбор и формирование доказательственной базы для подачи исков в российские и международные суды.

11.10. Особое внимание правозащитники уделяют сравнению решений

Конституционного Суда Российской Федерации с решениями ЕСПЧ (Европейского Суда по правам человека)³⁷ по аналогичным делам. При этом постоянно подчёркивается, что Россия является единственным государством-участником Совета Европы, в котором действует запрет на ЛГБТ-пропаганду, чья судебная практика «полностью не соответствует мировым демократическим тенденциям и фактически узаконивает дискриминацию сексуальных меньшинств».

Алгоритм распространения и утверждения идей ЛГБТ в обществе

11.11. ЛГБТ-движение стремится создать благоприятные условия для расширения численности своих сторонников за счёт популяризации и распространения в обществе приобретённых форм гомосексуализма, транссексуализма и т.д.³⁸. Для этого используется ряд социальных технологий, которые имеют общий алгоритм.

Независимо от выбранной сферы (религиозная, политическая, культурная, здравоохранение и т.д.), такая деятельность может быть представлена в виде следующего алгоритма:

- нормализация (признание того или иного аспекта жизни ЛГБТ в целом не выходящим за рамки биологических, медицинских, морально-этических, культурных, религиозных, правовых и иных норм и реалий общественной жизни);
- легализация (закрепление в позитивном праве, судебных прецедентах, международном праве и правовой доктрине особой ценности «разнообразия», предусматривающее расширенные гарантии прав и законных интересов меньшинств, а также формы ответственности неограниченного круга лиц за их нарушение);
- «позитивная дискриминация»³⁹ (фактически речь идёт об узаконивании привилегий меньшинств, позволяющих им требовать от органов государственной власти содействия в принуждении социального большинства, субъектов гражданского общества и отдельных лиц к желаемому социальному поведению во имя «защиты разнообразия»).

Примеры «позитивной дискриминации» в США, Франции, Германии

11.12. В качестве примера стран, в которых интересы сексуальных

меньшинств защищены на уровне «позитивной дискриминации», можно привести США, Францию и Германию.

Так, с февраля 2011 года Госдепартамент США приступил к изъятию из официального документооборота слов «отец» и «мать», которые заменили «гендерно нейтральными» «родитель 1 и 2».

В штате Нью-Йорк в 2015 году законодатели приняли печально знаменитый акт о запрете местоимений. Теперь отказ представителя любого публичного заведения или органа власти использовать то обращение, которое предпочитает частное лицо («мистер», «мисс», «миссис», «джентльмен», «леди», «он», «она» и т.д.), может быть квалифицирован судом как «незаконное издевательство на гендерной почве». За такое нарушение предполагается штраф в размере до 250 тыс. долларов США.

При этом не важны внешность такого лица и его паспортные данные. Например, если мужчина с мужским именем в спортивном центре потребует обращения «леди» и предоставления доступа в женскую раздевалку, администрация учреждения не имеет права отказать ему.

При этом откровенной дискриминации могут подвергаться верующие люди – малые предприниматели. Широкую известность в 2015 году получило дело Б. Штуцман – владелицы цветочного магазина и убеждённой протестантки, которая под предлогом своих религиозных убеждений отказалась изготовить свадебный букет для пары гомосексуалистов. За этот отказ суд штата Вашингтон оштрафовал её на 1 тыс. долларов США.

Другой пример – дело К. Дэвис – чиновницы из штата Кентукки, отказавшейся в силу религиозных убеждений в 2015 году выдавать однополым парам свидетельства о заключении брака в знак протеста против их легализации на всей территории США. Женщина неделю провела под стражей как преступник, а суд предписал её подчинённым регистрировать однополые браки.

И Штуцман, и Дэвис получили поддержку (в том числе финансовую) со стороны консервативно настроенных слоёв американского общества, что, однако, никак не повлияло на риторику официальных лиц. В феврале 2018 года американскую учительницу Дж. Нокс уволили с работы за то, что она назвала гомосексуализм грехом на своей странице в Facebook. Нокс

возмутилась дискриминацией традиционных мужчин и женщин, когда в её образовательной организации официально объявили «месяц гомосексуализма», и назвала гомосексуализм «неестественным аморальным поведением». Бывшая учительница обратилась в суд, пытаясь доказать, что христианские ценности не имеют никакого отношения ни к ненависти, ни к терроризму, в которых её стали обвинять в ходе развёрнутой против неё кампании, и что она имеет право открыто выражать свои религиозные взгляды. Однако суды первой и второй инстанций встали на сторону ЛГБТ. В итоге департамент образования штата Нью-Джерси на три года запретил Нокс заниматься образовательной деятельностью, отозвав сертификат за то, что она «не признала истинность обвинений и отказалась публично заявить об отсутствии греха как понятия».

В 2015 году во Франции суд Марселя приговорил сотрудницу мэрии С. Ут к пяти месяцам лишения свободы условно за отказ зарегистрировать брак между двумя лесбиянками.

Примечательно, что и во Франции несогласие с подобной мерой высказывали многие главы муниципалитетов. Они даже подали прошение в конституционный совет с просьбой освободить служащих от необходимости регистрировать однополые союзы в связи с их религиозными убеждениями. Однако инициатива была отвергнута, а несогласным пригрозили судебным преследованием. Общественный резонанс вызвали многочисленные факты административного давления и уголовных преследований в отношении многодетных родителей-христиан ФРГ, запрещавших своим малолетним детям посещать уроки «сексуального воспитания», которые входят в обязательную школьную программу (пропаганда «нормальности» гомосексуализма является обязательной составляющей этих уроков)⁴⁸. Часть родителей была вынуждена отбывать административное заключение за свои убеждения после отказа платить «штраф» (Bussgeld; примечательно, что этот устойчивый юридический термин в немецком языке этимологически восходит к понятию «покаянные деньги», на что также обращают внимание критики немецкого законодательства в этой области). Кроме того, социальные службы изъяли детей из части семей, обосновав это тем, что их родители «препятствуют в получении образования».

Родители и их адвокаты обжаловали действия немецких органов государственной власти в ЕСПЧ, который предсказуемо отказался

удовлетворить их жалобы без объяснения причины отказа. Практика принудительного посещения несовершеннолетними учениками таких уроков официально не противоречит Европейской конвенции по правам человека.

Аналогичная ситуация сложилась в соседней более консервативной Швейцарии, где после внедрения в школах в 2011 году новой «гендерной концепции» сексуального просвещения началась волна родительских протестов. Представители общественности семь лет отстаивали в национальных судах всех инстанций право на непосещение подобных занятий малолетними детьми, а после окончательного отказа обратились в ЕСПЧ. В январе 2018 года ЕСПЧ также подтвердил обязательность посещения уроков сексуального просвещения всеми детьми конфедерации независимо от возраста и убеждений их родителей.

11.13. Заслуживает внимания и появление нового поколения действующих преимущественно в общественных медиа правозащитников, называющих себя «Social Justice Warriors» (SJW, борцы за социальную справедливость).

Идеологические установки этого движения близки к таким течениям «феминизма третьей волны», как киберфеминизм и квир-феминизм, а также к «новым левым» и исходят из презумпции виновности белых цисгендерных («гендерная идентичность» совпадает с биологическим полом) мужчин в большинстве проявлений социальной несправедливости.

Представители SJW приняли участие в большинстве связанных с разными формами дискриминации интернет-скандалов последних четырёх лет, занимаясь травлей «сексистов и гомофобов».

Введённый запрет на пропаганду нетрадиционной ориентации среди несовершеннолетних позволил замедлить распространение идей ЛГБТ в России

Российский правовой подход к ЛГБТ

11.14. В России продвижение «социальной миссии» ЛГБТ находится на второй стадии, стадии легализации, поскольку гомосексуализм хоть и декриминализован и почти признаётся в качестве социально допустимого поведения, но не получает дополнительной поддержки со стороны действующих правовых норм.

Норма, запрещающая в России пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации среди несовершеннолетних, вызывает у российских сексуальных меньшинств активное неприятие⁵⁵. И хотя эта норма практически никак не влияет на жизнь ЛГБТ, в совокупности с признанием браком только союза между мужчиной и женщиной она является формальным препятствием для эффективной работы указанного социально-технологического алгоритма и продвижения идей ЛГБТ в российском обществе.

Более того, российский подход к противодействию дискриминации существенно весьма далёк от того, что происходит в странах Запада, где гомосексуальность де-юре уже относится к естественным и неотчуждаемым правам человека.

Так, согласно ст. 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Аналогичный подход мы встречаем в ст. 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 3 Трудового кодекса и ст. 136 Уголовного кодекса.

Таким образом, в России любой вид дискриминации является недопустимым, а любое ее проявление является действием, направленным на подрыв основ конституционного строя Российской Федерации и нарушением норм международного права. И этот подход в совокупности с уже названной, хоть и не чётко сформулированной позицией по ЛГБТ пока делает невозможной институционализацию любых проявлений «позитивной дискриминации».

Норма, запрещающая пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации среди несовершеннолетних, вызывает у российских сексуальных меньшинств активное неприятие отчасти и потому, что является хоть и невнятно сформулированной, но всё же скорее негативной позицией Российской Федерации по данному вопросу.

«Социальная адаптация» как направление правозащитной деятельности ЛГБТ

11.15. Ещё одним направлением правозащитной деятельности ЛГБТ является социальная адаптация представителей сексуальных меньшинств, совершивших так называемый «каминг-аут» – открытое и добровольное признание своей альтернативной гендерной идентичности. Её публичный аспект нередко выражается в предоставлении таким лицам особых условий труда, при которых они могут демонстрировать свои отличия без каких-либо ограничений (например, отдельные туалеты для трансгендеров, ослабление требований дресс-кода в отношении ЛГБТ и т.д.).

Например, в период президентства Б. Обамы в США нормативно закрепили право транссексуальных учеников самостоятельно решать, мужской или женской уборной они будут пользоваться. В США и Великобритании появились даже «гендерно нейтральные» уборные специально для этой категории лиц⁵⁸. Это распоряжение пытались оспорить власти 13 штатов.

Пришедший к власти Д. Трамп отменил императивность этой инициативы, предоставив образовательным организациям возможность самостоятельно устанавливать подобные режимы посещения уборных.

11.16. В последние десятилетия сексуальные меньшинства активно продвигают так называемое «управление разнообразием» (Diversity management) – концепцию управления кадровыми ресурсами, которая, помимо соблюдения «антидискриминационного законодательства», посредством привлечения представителей меньшинств к работе якобы даёт компаниям некие «бизнес-преимущества» в глобальном мире.

Вместе с тем в профессиональном сообществе к этой идее относятся скорее скептически из-за отсутствия сколько-нибудь значимых и верифицируемых исследований, подтверждающих преимущества «разнообразия» в коллективах.

11.17. «Адаптация» ЛГБТ происходит в том числе в вооружённых силах.

В США в 2010 году был снят запрет на службу в вооружённых силах открытых гомосексуалистов (до этого действовало правило «я не спрашиваю, ты не говоришь»). В 2011 году президент США дал публичное указание всем

органам государственной власти США, занятым в сфере международного сотрудничества, содействовать защите прав сексуальных меньшинств за рубежом и регулярно отчитываться о результатах этой работы³.

С 2015 года Пентагон фактически, а с 1 июля 2017 года и юридически снял ограничения на службу трансгендерных солдат и офицеров. Вновь избранный президент Д. Трамп, представляющий консервативные социальные группы, сначала отложил вступление в силу этой нормы, а в августе 2017 года ввёл запрет на службу трансгендеров в вооружённых силах и выделение бюджетных средств на операции по смене пола, вызвав волну негодования ЛГБТ.

Однако уже в декабре 2017 года решение Д. Трампа было заблокировано Федеральным апелляционным судом в Вашингтоне – как нарушающее Конституцию США. В результате трансгендеры официально принимаются на военную службу с 1 января 2018 года.

Ранее в ноябре 2017 года Минобороны США впервые оплатило военному служащему-транссексуалу операцию по коррекции пола.

В настоящее время общее число американских военнослужащих-трансгендеров, по данным СМИ США, составляет от 2,5 до 7 тыс. человек. Военнослужащих-гомосексуалистов нововведения никак не затронули.

ФРГ также прорабатывает возможность «расширения гендерного разнообразия» в рядах своих вооружённых сил⁶⁸. Так, в октябре 2017 года впервые в истории бундесвера подполковник-трансгендер Анастасия Бифанг вступил в должность командира 381-го батальона связи и обеспечения. Офицер Бифанг, являющийся членом общества военнослужащих-гомосексуалистов, теперь намерен активно отстаивать права и интересы трансгендеров в армии.

11.18. В 2015 году США учредили новую должность – специальный посланник Госдепартамента по правам ЛГБТ, подтвердив тем самым, что защита прав сексуальных меньшинств должна стать политическим приоритетом на долгие годы.

11.19. Президент Б. Обама назначил открытых гомосексуалистов на должности чрезвычайных и полномочных послов в Австралии, Дании,

Доминиканской Республике, Испании, а также на посты представителя при ОБСЕ и командующего сухопутными войсками. Активно велась работа по легализации так называемой «квоты» для представителей сексуальных меньшинств на замещение руководящих должностей в органах государственной власти США.

В Бельгии, Люксембурге и Исландии правительства впервые возглавили открытые гомосексуалисты, добившиеся имплементации в национальные правовые системы пакета «антидискриминационных» норм.

До этого о своей гомосексуальности заявляли мэры Берлина, Гамбурга, Парижа, Лондона, Виннипега и ряда других крупных американских и европейских городов, губернатор Сицилии, министры иностранных дел ФРГ и Латвии, госсекретарь Венгрии.

В октябре 2017 года министр охраны окружающей среды ФРГ Б. Хендрикс первой среди федеральных чиновников зарегистрировала полноценный брак со своей сожительницей В. Возанж.

Признание однополых браков как направление правозащитной деятельности ЛГБТ

11.20. Важным индикатором комфорта для сексуальных меньшинств является признание государством однополых браков, предоставляющих те же права, что и традиционные семейные союзы.

За последние несколько лет однополые браки были полностью легализованы в 17 странах-членах ЕС. Основными инициаторами этого процесса выступают страны Северной Европы – Нидерланды, Дания, Норвегия и Швеция, которые фактически узаконили сожительство гомосексуалистов с начала 1980-х годов.

После создания Евросоюза эта инициатива перешла к надгосударственным органам. Так, ещё в 1998 году Европарламент, в ведении которого находится рассмотрение заявлений на членство в ЕС, постановил, что страны, придерживающиеся «гомофобной политики», не могут рассматриваться в качестве кандидатов на вступление.

Сейчас «брак» между лицами одного пола можно зарегистрировать более

чем в 20 странах мира, и это число постепенно растёт под политическим давлением ЕС и США. С 1 октября 2017 года к числу таких стран присоединилась ФРГ.

В Израиле после долгих споров и конфликтов местных сексуальных меньшинств с консервативно настроенным государством 17 сентября 2017 года Высший суд справедливости вынес знаковое решение в пользу усыновления детей однополыми парами. Израильское государство должно представить предложения по соответствующей корректировке законодательства не позднее середины 2018 года. Местные ЛГБТ, впервые взявшие верх над консервативным иудейским большинством, рассчитывают на скорое разрешение официальной регистрации таких союзов.

Наметились перемены и в Индии, где гомосексуальные отношения уголовно наказуемы и стоят в одном ряду со скотоложством и педофилией. Так, в январе 2018 года Верховный суд Индии принял решение до октября 2018 года рассмотреть вопрос о декриминализации однополых связей.

Во многом такие изменения были спровоцированы отнесением в 2015 году Европарламентом однополых браков к естественным и неотчуждаемым правам человека. Еврокомиссии предписано поддерживать некоммерческие организации, отстаивающие права ЛГБТ по всему миру. А МИД Нидерландов в 2016 году даже провозгласил курс на создание «широкой международной коалиции в защиту прав ЛГБТ».

В марте 2018 года ЮНЕСКО ООН приняла «Международное пособие по сексуальному просвещению», содержание которого фактически нацелено на продвижение «гендерного разнообразия» среди детей всех возрастов. Теме гендера посвящены отдельный раздел и ряд практических заданий, которые призваны заставить детей различать «биологический пол» и «социальный гендер». Институт семьи и брака рассматривается исключительно с точки зрения нетрадиционных союзов и их полного тождества по своему статусу и социальной значимости с союзами мужчины и женщины.

11.21. Тема однополых браков настолько важна для международного ЛГБТ-движения, что его представители, стремясь убедить общество в целесообразности таких «браков», в своих пропагандистских материалах зачастую опускаются до откровенных фальсификаций.

Примером этого служит опубликованная в декабре 2014 года в авторитетном научном журнале «Science» статья пропагандиста идей ЛГБТ М. Лакура и его соавтора Д. Грина, в которой агитация однополых союзов среди американцев была представлена как в максимальной степени успешная и эффективная. Команда Лакура якобы обнаружила, что слова агитаторов-гомосексуалистов принимались более доброжелательно, чем аргументы гетеросексуальных агитаторов. При этом агитирующие геи и лесбиянки якобы сразу завоёвывали симпатии людей, когда прямо говорили им о своей ориентации.

Агитируемые в свою очередь якобы даже после одной такой встречи по личной инициативе передавали своё позитивное восприятие ЛГБТ своим домочадцам.

В январе 2015 года учёные-социологи Д. Брукман и Д. Калла обнаружили в этом исследовании ряд нестыковок и попытались его повторить. Выяснилось, что исследование проходило с нарушениями и практически полностью было сфальсифицировано. При проверке не удалось даже отчасти достичь описанных результатов. Реальные результаты агитации оказались противоположными заявленными.

Обратившись в компанию, поддержкой которой Лакур якобы воспользовался для изучения предмета, исследователи выяснили, что исследование вовсе не проводилось. Учёные опубликовали позицию о несостоятельности доклада на 27 листах, после чего Д. Грин вынужден был отозвать статью из «Science».

При этом ЛГБТ-сообщество выразило своё возмущение произошедшим, фактически отказавшись от автора, на чьи сфальсифицированные данные ещё недавно ссылалось в своих пропагандистских материалах: координатор гей-пропагандистов Лос-Анджелеса Л. Гардинер сравнила «чудовищный обман Лакура» с супружеской изменой.

11.22. Возможность усыновления детей однополыми парами также носит характер «позитивной дискриминации», поскольку игнорирует убеждения несовершеннолетних, ставит под угрозу их половую неприкосновенность и во многом детерминирует формирование их сексуальной ориентации.

Легализация однополых браков в ряде стран привела к энергичной деятельности органов опеки по «устранению несправедливости» и массовой практике передачи опекаемых государством детей гомосексуалистам.

Например, во Франции, по данным Ассоциации геев и лесбиянок – родителей и будущих родителей, до 250 тыс. несовершеннолетних живут в семьях, где хотя бы один из партнёров является открытым гомосексуалистом. Число детей в зарегистрированных однополых парах оценивается в 20–40 тыс.

Набирает скорость процесс усыновления детей однополыми парами и в ФРГ после распространения всех семейных прав на «партнёрства» представителей ЛГБТ в октябре 2017 года.

11.23. «Позитивная дискриминация» является объективным препятствием для проведения серьёзных комплексных исследований здоровья и социального самочувствия таких детей. В ряде стран органами полиции всё же отмечается рост числа преступлений против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних в таких семьях.

В связи с этим заслуживает внимания исследование М. Регнеруса, доктора социологии, работающего в Техасском университете в Остине (США), «Как отличаются взрослые дети, родители которых имеют однополые отношения».

В исследовании, результаты которого были опубликованы в издании «Social Science Research», приняли участие около 3 тыс. взрослых респондентов, чьи родители состояли в однополых сексуальных отношениях.

Согласно опубликованным данным, 25% воспитанников гомосексуальных родителей имели или имеют венерические заболевания из-за специфического образа жизни. Для сравнения: в благополучных традиционных семьях этот показатель в среднем равен 8%.

До 24% респондентов недавно планировали самоубийство (в традиционных семьях – около 5%). Воспитанники гомосексуалистов значительно чаще обращаются за психологической помощью – 19% против 8%.

Более 30% выросших с матерью-лесбиянкой и 25% выросших с отцом-гомосексуалистом когда-либо были принуждаемы к сексу вопреки их воле, в том числе со стороны родителей (в традиционных семьях – около 8%).

Выявлена корреляция и с маргинальным образом жизни. Так, до 30% выходцев семей с матерью-лесбиянкой являются безработными (в традиционных семьях – около 8%). 69% воспитанников лесбиянок и 57%

воспитанников гомосексуалистов сообщили, что их «семья» в прошлом получала государственные пособия (в традиционных семьях – около 17%), а 38% до сих пор живут на пособия. Лишь 26% воспитанников лесбиянок и 34% воспитанников гомосексуалистов имеют работу с полной загрузкой. Среди выросших в традиционных семьях живут на пособие около 10% и более половины трудоустроены на полный рабочий день.

Исключительно важными представляются результаты исследования, касающиеся сексуальной ориентации воспитанников. Несмотря на пропагандистский тезис ЛГБТ об отсутствии влияния воспитания в однополем союзе на гендерную идентичность ребёнка, факты свидетельствуют о том, что более 30% их воспитанников не идентифицируют себя как гетеросексуалов.

Исследование М. Регнеруса вызвало сильный общественный резонанс, после чего автор стал объектом травли со стороны влиятельных объединений сексуальных меньшинств и даже «толерантных» коллег-учёных. Вместе с тем проведённая университетом проверка методологии исследования и ключевых выводов подтвердила её соответствие научным требованиям.

11.24. В современной России легализация однополых браков или их аналогов является одной из важных задач объединений сексуальных меньшинств. Вместе с тем в собственно политической сфере драйвером этого процесса выступает только партия «Яблоко», прагматично использующая высокую социальную активность ЛГБТ в целях увеличения своих рейтинговых показателей. Представители «гендерной» и «молодёжной» фракций «Яблока» регулярно выступают в защиту прав сексуальных меньшинств. Кроме того, эта партия неоднократно выдвигала на выборы всех уровней (кроме президентских) кандидатов-трансгендеров и открытых гомосексуалистов.

ЛГБТ-активистов традиционно поддерживают и представители различных леволиберальных движений, например, «Автономного действия», «Комитета за рабочий интернационал», «Левого фронта».

Поддержка идей ЛГБТ осуществлялась и кандидатом в президенты России К. А. Собчак в ходе избирательной кампании в 2018 году. В программе этого кандидата постулировались намерения отменить «закон о гей-пропаганде» и

«запреты на сексуальное образование в школах», а также «внести изменения в законодательство, легализующие заключение и расторжение добровольных гражданских союзов между совершеннолетними вне зависимости от их пола и вероисповедания».

В России, где социальное большинство придерживается традиционалистских взглядов на мораль, вопрос легализации однополых браков лежит пока в плоскости лозунгов радикальной оппозиции и политических маргиналов и далёк от практической реализации.

Помощь неблагополучным слоям населения как разновидность деятельности ЛГБТ в России

11.25. Правозащитная деятельность в западном её понимании рассматривается российскими сексуальными меньшинствами как факультативная, поскольку вызывает преимущественно негативную реакцию российского общества и в целом воспринимается как провокационная. В связи с этим иностранные ЛГБТ-кураторы в последние несколько лет рекомендуют своим российским партнёрам переключить внимание на менее политизированные и более позитивно воспринимаемые обществом темы – защита женщин и детей от домашнего насилия, помощь инвалидам, сиротам и одиноким пожилым людям⁹⁸.

Ключевая задача ЛГБТ-движения в России - разрушение института традиционной семьи

Это объясняется тем, что одной из ключевых задач ЛГБТ на правозащитном треке является содействие процессу разрушения в России института традиционной семьи, который представляет собой одну из фундаментальных ценностей российского общества и, следовательно, преграду на пути распространения идей ЛГБТ.

11.26. Американские и европейские правозащитные организации прямо заявляют о том, что рассматривают Российскую Федерацию и часть стран бывшего СССР как «государства с патриархальным укладом, нуждающиеся в помощи».

11.27. ЛГБТ-движение в России относительно малочисленно, недостаточно политизированно, непопулярно и пока не имеет пакета

«антидискриминационных гарантий» западного образца, вследствие чего не может позиционировать себя в качестве социально значимой политической силы.

Феминизм как драйвер международного ЛГБТ-движения

11.28. Предшествующей силой и драйвером международного ЛГБТ-движения являлись и продолжают оставаться феминистские организации, обладающие значительным социальным весом и мобилизационным потенциалом.

Продвижение понятия «гендер» началось с подачи феминистских организаций

Международное феминистское движение имеет более глубокие исторические корни, чем ЛГБТ, и существенно более успешно, поскольку нормы равноправия мужчин и женщин и защиты женщин от дискриминации уже нашли своё отражение в правовых системах большинства стран мира. Феминизм по всему миру прочно вошёл в дискурс не только протестных структур широкого спектра (от анархистов и радикальных художников до трансгуманистов), но и крупных партий и политических сил, находящихся у власти.

Неслучайно продвижение самого понятия «гендер» как идеологического понятия, направленного на ликвидацию различий между полами, началось по инициативе ЛГБТ-крыла феминистских организаций в 1994 году на Каирской международной конференции ООН по народонаселению и развитию и в 1995 году – на Всемирной конференции ООН по положению женщин в Пекине. Позднее «Пекинская платформа действий»⁷ была имплементирована в европейское законодательство.

В 1997 году Амстердамский договор ЕС закрепил концепцию Gender Mainstreaming в качестве официальной стратегии.

В 2000 году установление гендерного равенства было провозглашено одной из целей тысячелетия в «Декларации тысячелетия ООН», которую поддержали 189 государств. В 2008 году была принята Декларация ООН по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, авторы которой предсказуемо сместили фокус с защиты прав женщин на поддержку ЛГБТ и безапелляционное продвижение новых подходов к «гендерной

идентичности».

11.29. Органам государственной власти западных стран трудно что-то возразить эпатажным и провокационным феминистским акциям, поскольку «права женщин» стали одним из идеологических приоритетов в «демократическом мире» задолго до идей толерантности и защиты разнообразных меньшинств. Об этом, например, свидетельствует вялая реакция правоохранительных органов стран Евросоюза на откровенно хулиганское поведение активисток движения «FEMEN», чьи политические цели выходят за границы феминизма.

11.30. Это обстоятельство в совокупности с высокой мобилизационной готовностью и политизацией делает феминисток эффективным инструментом для оказания политического давления на органы государственной власти. Причём сами европейцы и американцы, поддерживая радикальные акции фем-движения за рубежом, далеко не всегда одобряют подобное поведение в своей стране.

Так, в январе 2017 года кандидат в президенты США Х. Клинтон при финансовой поддержке Фонда Сороса использовала феминистское движение для дестабилизации обстановки в период инаугурации избранного президента Д. Трампа. Организованный тогда «женский марш» стал самой крупной акцией протеста в США с 1980-х годов, собрав около 100 тыс. участников. Аналогичные мероприятия феминисток прошли в Аккре, Бангкоке, Барселоне, Берлине, Бристоле, Веллингтоне, Женеве, Загребе, Калькутте, Лондоне, Мадриде, Марселе, Нью-Йорке, Париже, Праге и Стокгольме – всего в 66 странах мира.

Ранее, в октябре 2016 года, высокая эффективность феминистских акций была продемонстрирована в Польше, когда в акции «чёрный протест», охватившей большинство воеводств страны, приняло участие около 70 тыс. феминисток и анархисток, добившихся отклонения Сеймом законопроекта о запрете абортов.

11.31. Феминистское движение в России зачастую финансируется теми же иностранными организациями, которые поддерживают ЛГБТ: фондами «Открытое общество» (Сорос, США), «Макартуров» (США), им. Розы Люксембург (ФРГ), им. Фридриха Эберта (ФРГ), им. Генриха Бёлля (ФРГ),

Агентством США по международному развитию (USAID) и другими. Развитие феминизма рассматривается ими как важный инструмент для демонтажа российского «патриархального общества».

11.32. В России широко известны направленные против консервативных и патриархальных ценностей (в первую очередь традиционной семьи), а также против действующей власти громкие акции групп «Война» и «Pussy Riot», получившие значительную информационную поддержку в зарубежных СМИ.

В основном феминистские и подобные им акции, проводимые в России, не являются масштабными. Последняя громкая акция прошла в феврале 2017 года, когда представители фем-движения с присоединившимися к ним ЛГБТ и либертарианцами провели в Москве митинг против декриминализации мер физического воспитания («закона о шлепках»), собравший около 100 человек.

11.33. Тем не менее феминистские идеи, несмотря на сопротивление общественности, последовательно закрепляются в российском информационном поле. Например, популярная российская социальная сеть «Одноклассники» присоединилась к информационной кампании против гендерного насилия под руководством организации «ООН-женщины», которая использует эту интернет-площадку для привлечения внимания россиян к риторике фем-активистов.

При многих российских вузах с середины 1990-х годов официально действуют «центры гендерных исследований», сначала занимавшиеся проблемами «женской адаптации», а потом и продвижением «гендерного дискурса» в научное сообщество Российской Федерации.

Как представляется, научная и просветительская деятельность центров охватила за прошедшие годы тысячи молодых людей, способствуя их переходу на позиции «гендерной толерантности».

В мусульманских регионах России уже более 20 лет «умеренными» феминистскими структурами («Женщины Алании», «Союз женщин Дагестана», «Независимый социальный женский центр», «Центр гендерной политики» и т.п.) ведётся работа по «раскрепощению» – проводятся тренинги, занятия, реализуются программы «психологической реабилитации». На регулярной основе под видом различных гуманитарных

проектов проводятся исследования положения российских женщин, результаты которых публикуются за рубежом.

Их ключевые тезисы:

- российские женщины (особенно проживающие на Северном Кавказе) являются одной из наиболее бесправных и угнетённых социальных групп, постоянно сталкивающейся с дискриминацией и домашним насилием;
- российские органы государственной власти фактически не занимаются защитой прав женщин, предпочитая игнорировать «многочисленные факты притеснений»;
- семейная и демографическая политика России является сексистской по своему содержанию и не соответствует «мировым стандартам»;
- только просветительская работа, направленная на изменение «средневековых» общественных ценностей, может привести к улучшению положения российских женщин и иных «дискриминируемых групп» (например, ЛГБТ).

ЛГБТ-движение активно использует феминизм для продвижения своих инициатив

11.34. Таким образом, можно уверенно прогнозировать, что в правозащитной сфере российские сторонники ЛГБТ в ближайшие годы будут активно использовать возможности феминизма для продвижения законодательных, политических и информационно-пропагандистских инициатив, направленных на разрушение института традиционной семьи и традиционных социальных ролей. Согласно замыслу, их должны заменить «свободные полигендерные семейные союзы», ориентированные не на рождение и воспитание детей, а на повышение качества жизни.

ЛГБТ-структуры в России и источники финансирования

11.35. В 2017 году отмечается рост финансовой поддержки деятельности по защите «уязвимых социальных групп» со стороны профильных американских фондов, специализирующихся на защите интересов ЛГБТ.

Например, по информации СМИ, почти в два раза увеличилось финансирование российских некоммерческих организаций со стороны «Arcus

Operating Fund» (с 6,7 млн рублей в 2016 году до 13,1 млн рублей в 2017 году) и «All Out Fund» (с 1,2 млн рублей в 2016 году до 7,3 млн рублей в 2017 году). Основным грантопо-лучателем стал «Благотворительный фонд социально-правовой помощи «Сфера»», принявший в прошлом году от иностранных спонсоров более 100 млн рублей.

Фонд «Сфера» в настоящее время выполняет посреднические функции, распределяя грантовые средства между наиболее активными организациями российских сексуальных меньшинств, работе которых в известной степени мешают российские законы об иностранных агентах.

Со слов директора фонда И. Кочеткова, в 2015 году на помощь «пострадавшим представителям сексуальных меньшинств» было выделено 500 тыс. евро, в 2016 году – около 700 тыс. евро, в 2017 году – около 1 млн евро.

11.36. С учётом закона об иностранных агентах российское ЛГ-БТ-движение стремится совершенствовать свои структуры, делая их деятельность менее прозрачными для органов государственной власти контрольно-ревизионного профиля.

Для этих целей в начале 2016 года был создан так называемый «Московский комьюнити-центр» (МКЦ, «общественная приёмная ЛГБТ»), занимающийся оказанием психологической и консультативно-правовой помощи лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Вместе с тем его более масштабная задача – реализация различного рода программ по укреплению и увеличению круга сторонников равноправия ЛГБТ-сообщества.

МКЦ формирует попечительский совет, в состав которого должны войти российские представители бизнес-элиты, известные деятели культуры и спорта, разделяющие «ценности разнообразия», а также консалтингового центра для оказания содействия стартапам ЛГБТ-предпринимателей и трудоустройству представителей сексуальных меньшинств.

Фактически речь идёт о создании некоего аналога инкубатора, помогающего реализации наиболее перспективных проектов ЛГБТ-бизнесменов в обмен на лояльность и материальную поддержку в будущем. Как представляется, инициаторы проекта хотят создать сексуальным меньшинствам собственно российскую ресурсную базу, постепенно сделав их работу менее зависимой

от иностранных грантов.

Социальное недовольство «позитивной дискриминацией» и идеями ЛГБТ

11.37. Следует отметить, что практика «позитивной дискриминации», выражающаяся в фактическом принуждении социального большинства к принятию неприемлемого (аморального) для него общественного поведения, вызывает в самих западных странах сильное сопротивление.

Пропаганда идей ЛГБТ вызывает сопротивление в самих западных странах

Например, в США поддерживающие ЛГБТ федеральные власти долгие годы «боролись с гомофобией» судебных и законодательных органов ряда штатов, которые, оставаясь оплотом протестантских ценностей, до последнего противостояли попыткам имплементации в региональное законодательство «расширенного пакета гарантий» сексуальных меньшинств (см. дело «Обергефелл против Ходжеса»).

Потребовалось восемь лет президентства Б. Обамы, провозгласившего защиту интересов ЛГБТ одним из приоритетов своего президентства, чтобы сломить оставшиеся очаги сопротивления в южных штатах. Однако государственное принуждение, сколь сильным бы оно ни было, не может в одночасье изменить мировоззрение и ключевые ценности миллионов людей, ассоциирующих себя с разными христианскими конфессиями.

11.38. Уже упомянутое давление на традиционные религии (см. п. 9.) с параллельной абсолютизацией релятивизма и идеей «терпимости» вынуждают людей сильно ограничивать свою публичную реакцию на происходящее, но отнюдь не означают их внутреннего согласия с ним.

Об этом, например, свидетельствует широкая общественная поддержка уже упомянутой Б. Штуцман, на счёт которой сочувствующие перевели сумму, в десятки раз превышающую назначенный ей штраф.

Д. Трамп одержал маловероятную победу в выборах вопреки травле СМИ и многочисленных ультралиберальных структур, опираясь на поддержку религиозных и консервативных слоёв американского населения.

Правоохранительные органы США зафиксировали в 2017 году существенный рост преступлений и насилия по отношению к миноритарным группам. Так, в Нью-Йорке рост таких преступлений составил 24%, в Чикаго – 20%, в Филадельфии – 50%, в столичном Вашингтоне – 62%. По данным полиции, ЛГБТ стали объектами более чем 10% преступлений на почве ненависти.

Такой рост отчасти объясняется ужесточением законодательства в сфере защиты прав меньшинств. Вместе с тем он также является проявлением протеста в противоправных формах против «позитивной дискриминации» со стороны наиболее радикальных слоёв общества.

Жаркие общественные баталии развернулись и в Израиле, где всё ближе окончательная легализация однополых браков. Этот вопрос стал ещё одним камнем преткновения между религиозно и светски настроенными израильтянами. Представители ортодоксальных кругов даже ввели в оборот характеризующий «позитивную дискриминацию» термин «ЛГБТ-террор». В Евросоюзе ряд косвенных признаков также указывает на недовольство общества политикой ЕС, по примеру США жёстко насаждающего элементы «позитивной дискриминации» в пользу мигрантов и сексуальных меньшинств. К ним, в частности, можно отнести усиление позиций евроскептиков и национал-демократов в национальных парламентах и в Европарламенте¹⁴⁵, нежелание подчиняться подобным директивам некоторых стран Восточной Европы, углубление внутренних противоречий в элитах государств-доноров.

ЛГБТ как предмет противоречий между элитами и социальным большинством на Западе

11.39. Таким образом, в западном мире усиливаются противоречия между позицией элит, с одной стороны, и мировоззренческими установками крупных традиционалистских социальных групп, с другой. В целом это чревато как возможным изменением политического ландшафта в целом ряде стран с развитыми демократическими институтами, так и дальнейшим охлаждением отношений между союзниками по НАТО, для которых соблюдение блоковой дисциплины всё чаще начинает оборачиваться падением электоральной поддержки.

Стратегический курс на поддержку ЛГБТ последовательно подрывает

консенсус между элитами и обществом на Западе

Менее очевиден тот факт, что успешная интеграция ЛГБТ-компонентов в правовые нормы стран Запада и институциональное закрепление за сексуальными меньшинствами привилегированного статуса, фактически неприкосновенности, делает западные элиты заложниками курса, взятого предшественниками, и сокращает пространство для возможного политического манёвра.

Отнесение всё более непопулярных вследствие «позитивной дискриминации» «ценностей разнообразия» фактически к числу основ конституционного строя делает его менее устойчивым, продолжает расшатывать основы консенсуса между элитами и обществом, создаёт уязвимость, которой могут воспользоваться представители старой и новой радикальной оппозиции, идущей в большую политику.

12. Сфера культуры и развлечений

12.1. Исторически ЛГБТ уделяли повышенное внимание сферам культуры, искусства и моды, рассматривая их как важные инструменты формирования комфортной социальной среды.

Ключевым направлением здесь является внедрение «антидискриминационных» стандартов в деятельность творческих сообществ и соответствующую государственную политику.

Киноиндустрия и игровое кино

12.2. Наиболее характерно это проявилось в киноиндустрии, которая с момента депатологизации гомосексуальности прошла на Западе следующие основные вехи:

- восстановление деловой репутации киноактёров и кинорежиссёров, совершивших «каминг-аут»;
- внедрение в киносценарии эпизодов, связанных с жизнью гомосексуалистов;
- создание авторского кино, полностью посвящённого ЛГБТ-проблематике;
- формирование «общественного признания» таких лент посредством

их номинирования на престижные награды кинокритиков;

- создание массового кино, частично или полностью посвящённого жизни сексуальных меньшинств, с задействованием киноактёров, являющихся открытыми гомосексуалистами;
- продвижение в массовом кино трансгендерной проблематики и активное задействование трансгендерных актёров.

12.3. Следуя логике событий, можно сказать, что следующими этапами «борьбы с гомофобией» в киноиндустрии станет «общественное признание» массового кино о жизни ЛГБТ, которое уже началось с середины 2000-х годов, а затем и «позитивная дискриминация» в этой сфере.

12.4. Несмотря на то что первый международный ЛГБТ-кинофестиваль прошёл в Сан-Франциско (США) в 1977 году, где с тех пор проводится ежегодно, наибольший вклад в развитие и признание авторского кино о сексуальных меньшинствах внесли страны Западной Европы.

Так, в 1987 году в рамках Берлинского кинофестиваля была учреждена кинопремия «Тедди», которая с тех пор присуждается ежегодно за лучший фильм о жизни гомосексуалистов. В 2010 году по этому же пути пошли организаторы более престижного Каннского кинофестиваля, создавшие аналогичную тематическую секцию и новую награду – «Квир-пальмовую ветвь».

В Великобритании с 1986 года ежегодно проводится Лондонский ЛГБТ-кинофестиваль, в 2007 году учреждена тематическая кинопремия «Iris Prize» Международного кинофестиваля в Кардиффе. Аналогичные квир-кинофестивали проводятся в Австралии, Австрии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, Канаде, Нидерландах, Норвегии, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции, Японии и иных экономически развитых странах.

«Стандарт разнообразия» вынуждает режиссёров отражать тему ЛГБТ в массовом кино

12.5. Тематика ЛГБТ продвигается в массовом кино также Британской академией кино и телевизионных искусств (BAFTA) и Американской академией кинематографических искусств и наук (AMPAS), которые оказывают сильное влияние на мировой кинематограф.

Так, в декабре 2016 года BAFTA заявила о введении «стандарта разнообразия» (Diversity Standard). С 2019 года все британские киноработы, претендующие на призы академии в номинациях «за лучший национальный фильм» и «за лучший дебют сценариста, режиссёра или продюсера», должны отвечать «требованиям разнообразия». В частности, актёрский состав и члены съёмочной группы должны являть собой всё «расовое и гендерное разнообразие», включать в себя такие «недостаточно представленные» социальные группы, как этнические меньшинства, инвалиды и ЛГБТ.

Новый стандарт охватывает ключевую часть сценаристской, режиссёрской и продюсерской работы:

- написание сценария и выбор основной темы картины;
- подбор актёров и их присутствие на экране;
- участие в работе съёмочной группы;
- управление проектом и его продвижение;
- расширение и развитие целевой аудитории.

Принятие стандарта фактически обязывает сценаристов, продюсеров и кинорежиссёров затрагивать ЛГБТ-проблематику в своих проектах, а также расширять участие в кинокартинах актёров из числа открытых гомосексуалистов и трансгендеров.

Новый стандарт поддержали крупнейшие британские меди-холдинги – Channel Four Television Corporation и British Broadcasting Corporation (BBC). Таким образом, требования «разнообразия» в ближайшем будущем могут распространиться и на английское телевидение.

В июле 2017 года на эту инициативу откликнулся и Британский комитет рекламных стандартов (ASA, независимый регулятор рекламной практики), который заявил о неприемлемости «гендерных стереотипов» в рекламной продукции. Так, реклама не должна преподносить разные виды деятельности как подходящие только мужчинам (например, воин) или женщинам (например, мать), поскольку это «способствует возникновению у целевой аудитории таких представлений о взрослых и детях, которые могут ограничивать их собственное восприятие самих себя и то, как их видят другие».

ASA рекомендовал своей дочерней организации – Комитету по рекламной

практике (САР, отвечает за разработку и внедрение кодекса рекламной деятельности) – учесть эту позицию при разработке новых стандартов, вступающих в силу в 2018 году.

12.6. США сделали акцент на буквальном «общественном признании» массового кино о жизни сексуальных меньшинств.

Фактически все высокобюджетные американские фильмы, посвящённые жизни ЛГБТ, были отмечены кинопремией «Оскар» – «Горбатая гора» в 2006 году, «Харви Милк» – в 2009 году, «Одинокий мужчина» – в 2010 году, «Далласский клуб покупателей» – в 2014 году. В начале 2017 года эта тенденция получила своё дальнейшее развитие. Так, фильм о чернокожем наркоторговце-гомосексуалисте «Лунный свет» был отмечен сразу тремя наградами «Оскар» в номинациях «лучший фильм», «лучший актёр второго плана», «лучший адаптированный сценарий», а также номинирован ещё на пять «Оскаров». До этого «Лунный свет» уже получил несколько наград на других кинофестивалях США.

В 2017 году Американская киноакадемия приняла заявку на участие в конкурсе в номинациях за лучшую мужскую и женскую роли второго плана фильма «Исповедь бабника», в котором «актёр-мультисексуал» К. Мантл сыграл транссексуала-проститутку. Несмотря на то, что эта кинокартина так и не была номинирована на «Оскар», американские ЛГБТ-активисты оценили произошедшее как «безусловную победу и своеобразный прецедент», который должен открыть доступ к высоким кинопремиям актёрам-трансгендерам, играющим по сути самих себя.

12.7. Эксперты отмечают стабильное увеличение числа высокобюджетных фильмов о транссексуалах. Например, до 2008 года на Западе снималось не более пяти таких картин в год, в 2011–2013 годах – около 10, в 2014–2016 годах – уже более 15 кинолент.

12.8. О наличии определённого алгоритма продвижения интересов сексуальных меньшинств в киносфере свидетельствуют примеры других относительно консервативных стран – КНР (Пекинский квир-фестиваль, проводится с 2001 года), Израиля (TLVFest, проводится с 2006 года), Польши (с 2009 года), Индии (Kashish Mumbai Film Festival, проводится с 2010 года), Турции (Pembe Hayat Pink KuirFest, проводится с 2011 года).

12.9. Российский кинематограф также движется в этом направлении, находясь на стадии общественного признания авторского кино и ежегодной организации тематических ЛГБТ-кинофести-валей. Так, квир-кинофестиваль «Бок о бок» проводится в России ежегодно с 2007 года.

12.10. Очевидно, что введение «стандарта разнообразия» в киноиндустрии Великобритании и США неминуемо приведёт к массовому внедрению в кинопрокат стран с традиционными ценностями кинопродукции, содержащей в себе скрытую или явную пропаганду жизни сексуальных меньшинств. С учётом зависимости кинопрокатных систем большинства стран от англо-американского контента и действия во многих из этих стран ограничений на пропаганду ЛГБТ.